

Ба 3640

ОЧЕРКЪ

исторіи Кіевской митрополіи въ періодъ
времени отдѣльнаго ея существованія отъ
митрополіи Московской.

(1459—1686 г.)

Записки примѣнительно къ семинарской программѣ.

СОСТАВИЛЪ

И. Пятницкій.

Могилевъ на Днѣпрѣ.

Скоропечатня и Литографія Ш. Фридланда.

1891.

Ба 3640

227/7 ба 3640

Инв. 1953 г. 53640ор
Д

О Ч Е Р К Ъ

исторіи Кіевской митрополіи въ періодъ
времени отдѣльнаго ея существованія отъ
митрополіи Московской.

(1459—1686 г.)

Записки примѣнительно къ семинарской программѣ.

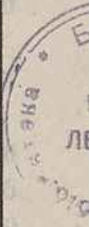
СОСТАВИЛЪ

И. Пятницкій.

Могилевъ на Днѣпрѣ.

Скоропечатня и Литографія П. Фидланда.

1891.

ОТЛАВЛЕНІЕ

67	Присоединеніе Младороссіи къ Россіи и подавленіе Кіевской митрополіи Московскоу вѣрѣзѣ
62	Ученіе грѣхъ Петра Младша и его коллегіи
60	Преобразование митроп. Петромъ Младшимъ Кіевской митроп.
55	Кіевскіе митрополиты востановленной православной вѣрѣзѣ.
50	хотѣхъ Геофилонъ
43	Востановленіе знамено-русской православной вѣрѣзѣ защитѣ православія
40	Противоборствіи унии со стороны православныхъ и унии въ пенно уни
38	Учѣніи іезуитовъ и посыланіе правительствъ къ распростра- ненію уни на соборѣ въ Брестѣ
35	Датскіи уни: Іерархъ Тейлоръ и Николій Ллойдъ
32	Левенъ II
28	Ппріказъ въ заступлѣ Россіи Контривитинонорская вѣрѣзѣ боротъ за православіе
24	иствѣ при Сѣвастіанѣ III
23	Учленіе римо-католическаго кнѣзѣвъ въ качествѣ вассаловъ од- нѣ
20	Развитіе іезуитскихъ мыслей ода уни съ Римомъ
19	Появленіе и краткость іезуитовъ
17	Грѣхотвореніе въ Ломбаръ в Ломбаръ протестанства
16	Состояніе вѣрѣзѣ при Сѣвастіанѣ Августѣ
12	Сѣвастіанъ и Сѣвастіанъ
8	Состояніе православія въ юго-западной митрополіи при Алек- сандрѣ
9	Внутреннее управленіе
8	патривалъ
3	Отношеніе Кіевскихъ митрополитовъ къ Контривитинонорскимъ въ отъ митрополіи Московской
1	Общій взглядъ на положеніе Кіевской митрополіи по отношенію распространенія въ ней христіанской вѣрѣзѣ
1	Братскій соборъ состояніи православія въ Литвѣ со вращенія

1877

Очеркъ исторіи Кіевской митрополіи въ періодъ времени отдѣльнаго ея существованія отъ митрополіи Московской.

(1459—1686 гг.).

Краткій обзоръ состоянія православія въ Литвѣ со времени распространенія въ ней христіанской вѣры.

Начало христіанства въ Литвѣ относится къ XII в., когда оно стало сюда проникать изъ сосѣднихъ русскихъ областей и, конечно, — въ формѣ православія, но — съ незначительнымъ успѣхомъ. Болѣе успѣшно православіе распространялось здѣсь съ половины XIII в. Въ 1246 г. принялъ православіе князь литовскій Мендовгъ, но только наружно, съ цѣлію сблизиться чрезъ то съ русскими князьями для борьбы съ Ливонскимъ орденомъ. Потомъ (чрезъ 5 лѣтъ) онъ также легко принялъ католичество, чтобы примириться съ орденомъ и получить отъ папы королевскій титулъ. Но, обманувъ папу и рыцарей, онъ продолжалъ приносить жертвы старымъ литовскимъ божествамъ, хотя и не препятствовалъ даже родственникамъ своимъ исповѣдывать православіе. Такъ жестокій сынъ его Воишелкъ, еще при жизни отца, принялъ православіе и даже постригся въ монахи. Насильственная смерть Мендовга заставила Воишелку временно оставить монастырь, объявить себя литовскимъ княземъ и заняться усмиреніемъ возмущенія, но тѣмъ не менѣе трехлѣтнее правленіе его было полезно для православія, такъ какъ

онъ для просвѣщенія своей страны нарочито вызывалъ священниковъ изъ Новгорода и Пскова, знакомыхъ съ литовскимъ языкомъ. Покончивъ дѣло мщенія за смерть своего отца, Воишелкъ снова ушелъ въ монастырь, передавъ всѣ свои владѣнія своему зятю Шварну (сыну Даниїла Галицкаго), который, впрочемъ, скоро скончался. Большинство литовскихъ князей уже исповѣдывало православіе. Преемникъ Шварна, Тройденъ, хотя и былъ грубымъ язычникомъ, но терпимо относился къ христіанству. Также относился къ христіанству и Гедиминъ (1315—1345), основатель единаго Литовскаго княжества,—тоже язычникъ. Не желая раздражать многочисленныхъ православныхъ жителей подвластныхъ ему русскихъ областей (Гедиминъ къ прежнимъ до него пріобрѣтеніямъ—такъ называемой Черной Руси и Полоцкой землѣ—присоединилъ къ своему княжеству значительную часть ю.-в. Руси: Волынь, Кіевъ, Черниговъ), онъ оказывалъ полную терпимость къ православію. Онъ позволялъ своимъ сыновьямъ принимать православіе, дочерей своихъ выдалъ за русскихъ князей и самъ вторымъ и третьимъ бракомъ былъ женатъ на русскихъ княжнахъ. Сынъ его Ольгердъ, (1345—1347), принявшій было христіанство при жизни отца, по вступленіи на престолъ, желая опереться на языческую партію, обратился къ язычеству, по настоянію жрецовъ даже замучилъ (въ 1347 г.) за православіе троихъ своихъ придворныхъ Антонія, Іоанна и Евстафія (Кумецъ, Нежило и Кругленецъ), но литовцы оказали этимъ мученикамъ такое сочувствіе и въ такомъ множествѣ стали обращаться въ христіанство, что Ольгердъ скоро оставилъ свою языческую ревность и сталъ даже покровительствовать христіанамъ. Онъ два раза былъ женатъ на русскихъ княжнахъ (Маріи—витебской и Іуліаніи—тверской) и позволилъ крестить въ православіе 12 своихъ сыновей, а подъ конецъ жизни крестился самъ и даже облекся въ схиму. Въ общемъ,—съ половины XIII в. православная вѣра въ Литвѣ обосновалась прочно, ее исповѣдывали не только въ низшихъ слояхъ общества, но и между княжескими родами. Нечего и говорить относительно тѣхъ древне-русскихъ областей, которыя были присоединены къ Литовскому княжеству Гедиминомъ, а за нимъ Ольгердомъ (окончательно были присоединены къ Литвѣ Волынь и Подолія и, кромѣ того, завоеваны были Сѣверское княжество и часть Смоленскаго). И если во дни Гедимина и Ольгерда стала проникать въ Литовское княжество и римская

вѣра, то она въ своемъ распространѣніи здѣсь имѣла успѣхъ слишкомъ незначительный. Обстоятельства измѣнились къ худшему лишь съ 1386 г., когда, послѣ брака преемника Ольгерда Ягайло, послѣдовало вредное для православія соединеніе Литвы съ католическою Польшею. Принимая вмѣстѣ съ рукою Ядвига польскую корону, Ягайло самъ перешелъ въ католичество (былъ православнымъ съ именемъ Іакова, катол. его имя Владиславъ) и обязался вести его и между Литовцами и дѣйствительно крестилъ ихъ до 30 тысячъ. При немъ все православныя объявлены были лишенными права гербовъ, шляхетства и чиновной службы. Преемникъ Ягайло — Витовтъ (1392—1430), хотя и былъ католикомъ, но отличился терпимостію, тѣмъ не менѣе католичество было объявлено господствующею религіею во всемъ княжествѣ. Въ Вильнѣ и Кіевѣ учреждены латинскіе епископіи. На Городельскомъ сеймѣ 1413 г. было постановлено: какъ въ княжествѣ Литовскомъ, такъ и въ коронѣ Польской право занимать высшія должности предоставлять только тѣмъ Русинамъ (при немъ окончательно было завоевано Смоленское княжество), которые примутъ католическую вѣру. Однако все эти мѣры сопровождались сравнительно лишь незначительнымъ успѣхомъ: православіе въ западно-русскихъ областяхъ укоренилось прочно. Вскорѣ затѣмъ (въ 1439 г.) послѣдовала Флорентійская унія. И вотъ Литовскіе государи, не надѣясь утвердить среди православныхъ, своихъ подданныхъ, чистое латинство, изъ политическихъ видовъ стараются насадить среди нихъ унію, тѣмъ болѣе, что давно желаемое ими отдѣленіе Кіевской митрополіи отъ митрополіи Московской въ 1459 г. совершилось.

Общій взглядъ на положеніе Кіевской митрополіи по отдѣленіи ея отъ митрополіи Московской.

Въ составъ Кіевской митрополіи, послѣ отдѣленія ея отъ митрополіи Московской, кромѣ литовскихъ областей, — Виленской, Ковенской и Гродненской, вошли тѣ области и города, которые были завоеваны у Россіи до Гедимина, при Гедиминѣ, Ольгердѣ и Витовтѣ. Эти области — нынѣшнія губерніи: Смоленская, Витебская, Минская, Могилевская, Черниговская, Кіевская, Волынская и Подольская. Кромѣ того, къ Кіевской митрополіи въ церковномъ отношеніи

присоединилась Галиція, ставшая съ половины XIV в. въ гражданскую зависимость отъ Польши.

Митрополия эта, послѣ отдѣленія отъ митрополіи Московской, очутилась въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для своего существованія,—особенно по сравненію ея съ Московскою.

Въ Московскомъ государствѣ православная вѣра была господствующею; всѣ прочія вѣры были лишь терпимы подѣ тѣмъ непрѣмнымъ условіемъ, чтобы онѣ не касались правъ господствующей церкви, не совращали ея чадѣ. Самъ государь всегда считался сыномъ православной церкви и ея естественнымъ покровителемъ и защитникомъ.

Совсѣмъ не таково было положеніе православной вѣры въ Литовскомъ государствѣ. Здѣсь она постоянно находилась лицомъ къ лицу съ своимъ давнимъ и непримиримымъ врагомъ—латинствомъ, и могла называться лишь терпимою, а не господствующею. Государи Литвы всегда исповѣдывали римскую вѣру. И православію здѣсь суждено было выдерживать непрерывную борьбу съ католицизмомъ и—далеко не при одинаковыхъ условіяхъ.

Во главѣ православной церкви въ Литвѣ стоялъ цареградскій патріархъ, вся дѣятельность котораго по отношенію къ ней, почти до конца періода, ограничивалась лишь тѣмъ, что онѣ поставлялъ литовско-русскаго митрополита, или, точнѣе, присылалъ свое благословеніе на его поставленіе. Во главѣ латинской церкви въ Литвѣ стоялъ папа, имѣвшій могущественное вліяніе не только на мѣстную іерархію и народъ, но и на самое правительство.

Православные епископы и митрополиты пользовались въ Литвѣ только церковною властію и значеніемъ, но вовсе не допускались къ участию въ гражданскихъ дѣлахъ и государственныхъ: латинскіе іерархи, напротивъ, особенно Виленскій, были ближайшими совѣтниками великаго князя и короля, засѣдали въ сенатѣ и оказывали сильнѣйшее давленіе на рѣшеніе вопросовъ правительственныхъ. Какъ ни многочисленно было сравнительно православное монашество въ Литвѣ, но оно не подготовляло и не выдѣляло изъ среды своей лицъ, которыя бы посвящали себя исключительно дѣлу проповѣди на защиту православія, на борьбу за него; напротивъ, латинское монашество въ Литвѣ состояло преимущественно изъ орденовъ, имѣвшихъ цѣлю поддержаніе и распространеніе католицизма; до-

вольно поименовать здѣсь однихъ іезуитовъ. Но самая главная сила католиковъ въ Литвѣ, дававшая имъ рѣшительный перевѣсъ надъ православными, заключалась въ государѣ.

Литовскіе государи по отношенію къ православной церкви дѣйствовали двулично. Съ одной стороны они ясно видѣли, что ихъ великое княжество есть не столько литовское, сколько русское. Русскіе, православные, составляли въ немъ громадное большинство населенія; русская народность и языкъ имѣли преобладающее значеніе. На русскомъ языкѣ говорили сами литовцы въ своихъ сношеніяхъ съ русскими. На немъ преимущественно составлялись акты и договоры, общественные и государственные, писались просьбы гражданами, давались привилегіи королями, обнародывались законы. На русскомъ языкѣ были составлены и изданы даже Литовскіе Статуты, и только на немъ одномъ проходило судопроизводство во всѣхъ владѣніяхъ Литвы. Въ средѣ русскаго и литовскаго православнаго населенія находились многія знатныя фамиліи изъ племени прежнихъ князей, господствовавшихъ въ краѣ; нѣкоторыя изъ нихъ состояли въ довольно близкомъ родствѣ съ самыми великими князьями Литвы, другія владѣли огромными имѣніями и содержали собственныя дружины; изъ этой среды не разъ являлись именитые государственные сановники и славные воины, оказавшіе великія услуги своему отечеству. Къ тому же православные русскіе литовскаго государства имѣли за собою еще русскихъ Московскаго государства и, въ случаяхъ нужды, могли находить для себя не только нравственную, но и физическую опору въ православномъ Московскомъ государѣ. Очень понятно, что литовско-польскіе государи не могли относиться къ своимъ подданнымъ православной вѣры, по крайней мѣрѣ наружно, безъ должнаго вниманія. И вотъ мы видимъ, что всѣ эти государи, при самомъ вступленіи своемъ на престолъ, давали клятвенное обѣщаніе сохранять права и привилегіи всѣхъ своихъ подданныхъ не только римской, но и православной вѣры; всѣ подтверждали и ограждали и церковныя и имущественныя права православнаго духовенства, давали жалованныя грамоты православнымъ церквамъ и монастырямъ и т. под. Но, съ другой стороны, Литовскіе государи позволяли себѣ по отношенію къ православной церкви и совсѣмъ другаго рода дѣйствія. Сама она была католики; потому они не могли сочувствовать ей и

неизбѣжно подлежали болѣе или менѣе вліянію своего латинскаго духовенства и папы, всегда враждовавшихъ противъ православія. Да и какъ государи, они не могли благопріятствовать православнои вѣрѣ въ средѣ своихъ русскихъ подданныхъ, потому что она влекла ихъ постоянно къ Москвѣ, тогда какъ литовскимъ государямъ, на-противъ, желательно было всячески отклонить ихъ отъ Москвы и сблизить съ прочими своими подданными. Съ этою-то преимуще-ственно цѣлю еще Ольгердъ и Витовтъ въ Литвѣ, а Казиміръ въ Галліціи пытались дать своимъ русскимъ подданнымъ особаго перво-священника и совершенно отдѣлить ихъ отъ Московскои митрополіи. Особенно же должна была усилиться нерасположенность литовско-польскихъ королей къ православію со времени послѣдняго соедине-нія (1569 г.) Литвы съ Польшею, когда завѣтною мечтою этихъ королей сдѣлалось—слить оба государства въ одно, обширное, мо-гущественное, и когда они ясно сознавали, что главнымъ препят-ствіемъ тому можетъ служить разновѣріе русскихъ съ поляками, и что для полнаго политическаго соединенія необходимо соединеніе ихъ въ вѣрѣ,—унія церковная. Не удивительно, если литовскіе го-судари, дававшіе столько льготныхъ грамотъ православнымъ своимъ подданнымъ и православному духовенству, издавали также и враж-дебныя имъ постановленія и, по временамъ, то лишали православ-ныхъ права занимать высшія государственныя должности, ссылаясь обыкновенно на Городельское постановленіе 1413 г., то запрещали имъ строить и даже возобновлять свои церкви, то отнимали у нихъ церкви и отдавали латинянамъ, то стѣсняли православныхъ въ тор-жественномъ отиравленіи ихъ праздниковъ и священно-служеній, то унижали самую вѣру православную, называл ее даже въ офи-ціальныхъ бумагахъ схизмою, а православные храмы синагогами, то допускали и открытое насиліе надъ православными для привле-ченія ихъ къ покорности папѣ.

Ничѣмъ, однакожъ, столько государи эти не наносили вреда православію, какъ злоупотребленіемъ усвоеннаго ими себѣ права „патронатства“ по отношенію къ православнои церкви и, въ част-ности, права „подаванія“ архіерейскихъ въ ней кафедръ, монасты-рей и церквей. Пользуясь этимъ правомъ, короли — иновѣрцы раз-давали архіерейскія кафедры, болшею частію, не духовнымъ лицамъ, способнымъ къ святительскому служенію, а свѣтскимъ, искавшимъ

только захватить въ свои руки архіерейскія имѣнія, и раздавали иногда въ видѣ награды за какія-либо заслуги, военныя и гражданскія, иногда по ходатайству сильныхъ особъ, нерѣдко прямо за деньги. Точно также поступали литовскіе государи съ православными монастырями и церквами. Примѣру короля слѣдовали „паны“, имѣвшіе подъ своимъ патронатствомъ монастыри и церкви. Такой порядокъ, продолжавшійся въ теченіе всего періода, имѣлъ самыя губельныя для православной церкви послѣдствія. Это была страшная внутренняя язва, которая незамѣтно подтачивала самыя главныя силы церкви и неизбѣжно вела ее къ разслабленію и изнеможенію. У церкви отнята была возможность имѣть духовныхъ архипастырей и духовныхъ вождей и борцовъ, которые бы ревностно и мужественно отстаивали ея православіе и права; ей давали такихъ святителей, которые преслѣдовали преимущественно собственные интересы и изъ за личныхъ выгодъ способны были пожертвовать всѣмъ.

Около половины XVI в. явилось въ Литвѣ протестанство, по видимому, въ качествѣ союзника православной церкви, потому что немедленно устремилось всѣми своими силами противъ ея врага — латинства и произвело въ рядахъ его громадныя опустошенія. Но скоро увидѣли, что, поражая католицизмъ, протестанство поражало и православіе, и въ самое короткое время успѣло увлечь столько православныхъ въ Литвѣ, особенно изъ высшаго круга, сколько латинская церковь не могла увлечь ихъ впродолженіе цѣлаго предшествовавшаго столѣтія. Еще болѣе вреда причинило протестанство православію тѣмъ, что своими громкими побѣдами какъ бы разбудило дремавшія силы католицизма и вызвало въ Литву іезуитовъ, — такихъ борцовъ за латинскую церковь, какихъ прежде она не имѣла и которые не замедлили доставить ей здѣсь торжество и надъ протестантскими сектами и надъ православіемъ.

Главная цѣль, къ которой постоянно стремилась римская церковь въ своей борьбѣ съ православіемъ въ Литвѣ и Польшѣ, была церковная унія. Но самая эта борьба велась не съ одинаковымъ постоянствомъ и напряженіемъ и, еще болѣе, не съ одинаковымъ успѣхомъ. Впродолженіе перваго почти полустолѣтія (1459—1503) борьба была довольно сильная: римское духовенство и литовско-польскіе государи употребляли разныя средства, церковныя и граж-

данскія, для привлеченія православныхъ къ Флорентійской униі. Въ слѣдующее полустолѣтіе (1503—1555) борьба настолько ослабѣла, что сдѣлалась почти незамѣтной: только лишь изрѣдка и не повсемѣстно предпринимались противъ православныхъ мѣры стѣсненія. Съ половины XVI столѣтія, въ теченіе слишкомъ 30 лѣтъ (1555—1589) борьба быстро усилилась и достигла высшей степени напряженія. Наконецъ, въ послѣднее семилѣтіе (1589—1596) борьба постепенно приближалась къ исходу: въ средѣ самаго православнаго духовенства нашлись немногіе измѣнники, которые дѣйствуя вмѣстѣ съ латинянами, не смотря на противодѣйствіе всѣхъ православныхъ, успѣли принять и водворить въ Литвѣ церковную унию.

Отношеніе Кіевскихъ митрополитовъ къ Константинопольскимъ патріархамъ.

Тѣ особыя обстоятельства, среди которыхъ очутилась Кіевская митрополія, послѣ отдѣленія ея отъ митрополіи Московской, положили и особый отпечатокъ на нѣкоторыя стороны ея жизни. Прежде всего это сказалось въ церковномъ управленіи, частію же на отношеніи Кіевского митрополита къ Константинопольскимъ патріархамъ.

Въ то время, какъ Московская митрополія съ половины XV в., со времени св. Іоны, начавшаго собою рядъ русскихъ митрополитовъ, избиравшихся и поставлявшихся въ Россіи самостоятельно, безъ сношенія съ Константинопольскимъ патріархомъ, стала лишь въ поминальную зависимость отъ Константинопольскаго патріарха,— въ Кіевской митрополіи верховнымъ архипастыремъ признавался православный Константинопольскій патріархъ. Ему принадлежало право не только поставять Кіевскихъ митрополитовъ, но и контролировать дѣйствія послѣднихъ. И Константинопольскій патріархъ дѣйствительно поставлялъ Кіевского митрополита, или точію же,— посылалъ свое благословеніе на его поставленіе. Обыкновенно это совершалось слѣдующимъ образомъ.—Епископы избирали изъ своей среды кандидата на митрополію, а патріархъ давалъ благословеніе избранному, и послѣдній, смотря по обстоятельствамъ, или посвящался своими епископами, или самимъ патріархомъ. Эти права строго охранялись и епископами и патріархомъ, нарушенія ихъ

какою либо стороною вызывали протесты другой стороны. Такъ Спиридонъ, поставленный патриархомъ (въ 1476 г.) въ митрополита Киевскаго, не былъ принятъ въ Киевской митрополіи, потому что избраніе его совершилось безъ вѣдома короля и епископовъ. Равно и патриархъ, когда соборомъ русскихъ епископовъ былъ избранъ и поставленъ въ митрополита Макарій (въ 1495 г.), безъ сношенія съ патриархомъ, хотя и одобрилъ это избраніе, но сдѣлалъ внушеніе епископамъ, чтобы впредь безъ его вѣдома не были поставляемы митрополиты.

Что же касается участія патриарха въ дѣлахъ управления Киевской митрополіи, то оно, въ слѣдствіе отдаленности митрополіи отъ каведры патриарха, политической самостоятельности литовско-польскаго государства и тяжелаго положенія самой Константинопольской церкви подъ игомъ турецкимъ, — было слишкомъ незначительно. Во весь длинный періодъ времени отдѣльнаго существованія Киевской митрополіи Константинопольскій патриархъ только однажды лично посѣтилъ свою митрополію, однажды прислалъ своего экзарха и прислалъ нѣсколько (до шести) грамотъ — по частнымъ случаямъ и предметамъ, а не по общимъ потребностямъ церкви.

Такое столь отдаленное управленіе патриарха своею митрополіею имѣло свои неудобства и привело къ вреднымъ послѣдствіямъ, такъ какъ призракомъ высшей власти и авторитета оно лишь стѣсняло лучшихъ лицъ между пастырями и народомъ, въ принятіи своевременныхъ и сообразныхъ съ обстоятельствами мѣръ къ устраненію различныхъ беспорядковъ, развившихся здѣсь до крайности, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Внутреннее управленіе.

Ближайшее и непосредственное управленіе западно-русскою церковію принадлежало митрополиту и епископамъ. Митрополиты западно-русской церкви назывались „Кіевскими и всея Руси“. Митрополитъ Кіевскій пользовался всѣми тѣми правами въ своей области, какія имѣли прежде русскіе митрополиты по отношенію ко всей русской церкви. Онъ имѣлъ право обозрѣвать епархіи, требовать у епископовъ отчета по управленію епархіями, возбуж-

дать недѣятельныхъ, виновныхъ подвергать суду и привлекать къ взысканію; онъ утверждалъ постановленія между епископами и такъ называемыми „крылошанами“ о церковныхъ доходахъ и былъ ходатаемъ по дѣламъ церкви и духовенства предъ государственною властію. Къ нему обращалось духовенство въ случаяхъ нарушенія или стѣсненія его правъ гражданскими властями въ дѣлахъ церковнаго суда, а также въ случаяхъ притѣсненія по сбору установленныхъ въ пользу духовенства доходовъ. Но кромѣ разбирательства жалобъ и доносовъ и сбора пошлинъ, митрополиты не вмѣшивались ни въ какія другія епархіальныя распоряженія. Епископы имѣли такую же власть въ своихъ епархіяхъ, какую митрополитъ во всей западно-русской церкви. Епископъ разрѣшалъ построеніе новыхъ церквей и монастырей, поставлялъ пресвитеровъ, сохранялъ и защищалъ ихъ отъ обидъ, наблюдалъ за цѣлостію и неприкосновенностію церковнаго имущества, разбиралъ судныя и тяжбыя дѣла между духовенствомъ, виновныхъ въ нарушеніи церковныхъ правилъ или дисциплины подвергалъ взысканіямъ. При митрополитѣ и епископахъ, какъ органы ихъ управленія, съ извѣстнымъ кругомъ обязанностей, существовали намѣстники и крылошане. Намѣстниками митрополита были лица, облеченныя отъ него довѣріемъ и завѣдывавшія, по полномочію отъ него, „судами духовными“, т. е. едѣлами церковнаго управленія и суда въ главнѣйшихъ городахъ митрополіи. Намѣстники были избираемы изъ лицъ бѣлаго и монашескаго духовенства, въ первомъ случаѣ изъ соборнаго или приходскаго духовенства, въ послѣднемъ изъ настоятелей монастырей. Они слѣдили въ предѣлахъ своего округа за духовенствомъ, наблюдали за его нравственностію и за дѣлами церкви вообще. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были, впрочемъ, намѣстники и свѣтскіе, на обязанности которыхъ лежало завѣдываніе церковными имѣніями и доходами архіереевъ. Крылошанами называлось соборное духовенство архіерейской кафедры. Крылошане имѣли большое значеніе въ епархіальномъ управленіи. Они засѣдали въ епархіальномъ судѣ, участвовали въ епархіальномъ управленіи, избирали намѣстника владыки, въ случаѣ смерти архіерея, управляли цѣлый годъ епархіею, даже при

существованіи нареченнаго или уже поставленнаго новаго архіерея. Они получали и значительную долю доходовъ съ различныхъ предметовъ архіерейскаго служенія, напимѣрь, съ освѣщенія церквей, посвященія въ церковныя степени, погребенія умершихъ и т. под. Последнее подавало нерѣдко поводъ къ неудовольствіямъ между епископомъ и крылошанами, а поэтому составлялись уставныя грамоты о раздѣлѣ между ними доходовъ, утверждавшіяся митрополитомъ.

Руководствомъ для церковнаго управленія, а также и церковнаго суда въ Кіевской митрополіи служили: а) древнія правила вселенской церкви вмѣстѣ съ гражданскими статьями восточныхъ императоровъ (Номоканонъ), б) такъ называемый „Свитокъ Ярослава“ и в) многочисленныя узаконенія и грамоты королей, издававшіяся сообразно съ обстоятельствами времени. Въ частности, что касается пространства церковнаго суда, т. е. лицъ и дѣлъ, подвѣдомыхъ этому суду, то его можно опредѣлить въ слѣдующихъ чертахъ. Святительскому суду подлежали: 1) все духовенство въ дѣлахъ церковнаго порядка и благочинія; по дѣламъ же имущественнымъ и уголовнымъ оно вѣдалось въ общихъ судахъ; 2) міряне по дѣламъ вѣры и христіанской жизни, по дѣламъ брачнымъ, бракоразводнымъ и о преподобіяніяхъ. По дѣламъ же о духовныхъ завѣщаніяхъ они подлежали суду „смісному“ изъ духовенства и лицъ свѣтскаго вѣдомства.

Но эта юридическая сторона дѣла и въ смыслѣ административномъ и въ смыслѣ судебномъ была весьма часто нарушаема и даже извращаема. Обольщеній самоуправства было такъ много, а власть къ обузданію его была такъ слаба, что нарушение законовъ было болѣе обычнымъ и постояннымъ явленіемъ, чѣмъ исполненіе его. И главною почвою, на которой развилось такое печальное явленіе, было особое участіе мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ. Это участіе мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ, составляя характеристическую особенность церковнаго управленія Кіевской митрополіи, само развилось изъ права такъ называемаго „патроната“. По своему происхожденію и первоначальному характеру, патронатъ былъ дѣломъ усердія благочестивыхъ ревнителей церкви, которые, на основаніи общаго феодальнаго права владѣльцевъ расплатать и распорядиться своими имѣніями и состоящими на нихъ учрежде-

ніями, строя на собственной своей землѣ церкви и монастыри, снабжали ихъ всѣмъ необходимымъ для ихъ содержанія и благолѣпія, заботились о присканіи для нихъ достойныхъ священниковъ и настоятелей и въ тоже время получали право участія въ управленіи патронируемыми ими церквами и монастырями, какъ по имущественнымъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ церковнаго суда. Частными формами патронатскаго права были: 1) право покровительства (*jus patronatus*) патронируемымъ учрежденіямъ, снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ и охраненія ихъ интересовъ отъ всякихъ посягательствъ на нихъ съ чьей бы то ни было стороны; 2) право подаванія (*jus donandi*), или отдачи монастырей и церквей извѣстнымъ лицамъ; 3) право презенты, представленія (*jus praebendi, jus praesentationis*), или рекомендаціи извѣстныхъ лицъ на должности священниковъ и настоятелей монастырей, и наконецъ 4) право управленія и суда въ опредѣленныхъ границахъ по отношенію къ общей подсудности церквей и монастырей государству и духовной власти.

Этотъ патронатъ могъ приносить большую пользу западно-русской церкви, давая ей сильную опору въ борьбѣ съ католицизмомъ и униєю, но въ немъ же заключались зародыши и весьма вредныхъ послѣдствій для той же церкви. И православные патроны въ своемъ вліяніи на церковныя дѣла часто переходили должныя границы, стѣняли дѣятельность іерархіи, вызывали тѣмъ ея недовольство и желаніе освободиться отъ ихъ вліянія, но, что еще вреднѣе было для церкви,—право патронатства принадлежало не однимъ только православнымъ: патронами были и король въ своихъ имѣніяхъ королевскихъ и коронныхъ и католическіе паны на своихъ земляхъ. А эти послѣдніе, какъ было показано выше, окончательно обезобразили это учрежденіе страшными злоупотребленіями и сдѣлали изъ него источникъ бѣдствій, подтачивавшій самыя главныя силы западно-русской церкви.

Заканчивая этимъ общій обзоръ жизни западно-русской церкви, переходимъ къ частному ея разсмотрѣнію.

Состояніе православія въ юго-западной митрополіи при Александрѣ и Сигизмундѣ.

При Александрѣ и Сигизмундѣ состояніе православія въ юго-западной митрополіи было не одинаково. Насколько большинство

времени правленія перваго можетъ быть охарактеризовано, какъ время—довольно усиленныхъ мѣръ для привлеченія православныхъ къ Флорентійской униі, настолько правленіе втораго отличалось относительнымъ спокойнымъ состояніемъ здѣсь православія.

Александръ (1492—1506), князь Литовскій, а затѣмъ (съ 1501 г.) и король польскій, былъ сыномъ Казимира IV Ягайловича, того самого, при которомъ произошло отдѣленіе Кіевской митрополіи отъ митрополіи Московской и который началъ собою рядъ литовско-польскихъ государей, постепенно наклонявшихъ Литовско-русское государство къ сліянію его съ Польшей. Въ послѣднихъ видахъ еще Казиміръ сдѣлалъ нѣсколько рѣшительныхъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и неудачныхъ, попытокъ навязать своимъ православнымъ подданнымъ Флорентійскую унию¹⁾ Александръ пошелъ еще дальше. Онъ всячески стѣснялъ православныхъ, принуждая ихъ принять католичество. Его стѣсненій въ этомъ отношеніи не избѣжала и его супруга, дочь московскаго государя, Іоанна III, Елена, не смотря даже на письменное обязательство съ его стороны—не препятствовать ей содержать свой греческій законъ и не нудить ее къ римскому закону. Еленѣ не позволили устроить въ дворцѣ православной церкви; устранили отъ нея православнаго священника-духовника и подъ разными предлогами удалили отъ нея русскую прислугу и окружили латинскою. Вождемъ этой интриги, по тайному приказанію папы, былъ фанатическій виленскій бискупъ Войцехъ Таборъ. Но твердость Елены, угрозы ея отца и опасное волненіе, поднявшееся въ областяхъ русско-литовскихъ, заставили ревнителей католичества умѣрить свою ревность. Увидѣвъ невозможность обратить великую княгиню и ея единовѣрцевъ въ католичество, они задумали возстановить забытую было Флорентійскую унию и нашли себѣ пособника въ лицѣ измѣнившаго православію Смоленскаго епископа, Іосифа Болгариневича,

¹⁾ Призналъ митрополитомъ ученика бывшаго митрополита Московскаго, измѣнившаго православію на Флорентійскомъ соборѣ, Псидора—уніата Григорія и преслѣдовалъ всѣхъ, кто не хотѣлъ признать его своимъ митрополитомъ; вызвалъ въ Литву для миссіонерскихъ цѣлей Бернардиновъ и запретилъ строить вновь и даже возобновлять и поправлять православные храмы въ Вильнѣ и Витебскѣ. Но чрезъ 10 лѣтъ управленія митрополіею самъ Григорій присоединился къ православію, а мѣры преслѣдованія православныхъ привели только то, что цѣльи литовско-русскія области съ своими имѣніями стали отпадать отъ Литвы и переходить къ государю Московскому, Іоанну III.

общавъ ему санъ митрополита. Этотъ Иосифъ съ Бернардинами фзидль по всей Литвѣ съ цѣлю распространенія уніи, а Войцехъ Таборъ испросилъ даже у папы (Александра VI) буллу (въ 1500 г.), разрѣшавшую ему, преемникамъ его и всему духовному чину казнить смертію еретиковъ и язычниковъ. Не перенося такихъ стѣсненій въ вѣрѣ, многіе знатнѣйшіе литовско-русскіе люди перешли подъ власть московскаго государя, а Іоаннъ III объявилъ войну своему зятю. Эта война, стоившая Александру многихъ областей и городовъ, вынудила его переменить церковную политику. Положеніе православныхъ сразу же измѣнилось къ лучшему, послѣ перемирія въ 1503 г.,—и прежде всего сказалось на самой Еленѣ. Александръ испросилъ у папы разрѣшеніе не принуждать ее къ переходу въ латинство, записать за нею въ пожизненное владѣніе городъ или замокъ Могилевъ со всею его областью и крестьянами, а вліяніе ея возросло до того, что по ея указанію и ходатайству избранъ былъ для православныхъ и утвержденъ самимъ Александромъ новый митрополитъ Іона II, ревнитель православія, успѣвшій возвратить къ православію колебавшихся—было въ немъ прежде

При Сигизмундѣ I или Старомъ (1506—1548), братѣ Александра, для православныхъ наступили спокойныя времена. Какъ человекъ умный, Сигизмундъ не могъ не понимать, что коренная причина начавшагося саморазложенія Литовскаго государства (при немъ три раза возобновлялась война съ Москвою и каждый разъ оканчивалась отторженіемъ отъ Литвы новыхъ областей и городовъ въ пользу Московскаго государства) лежала въ вѣроисповѣдной нетерпимости его предшественниковъ и вообще всѣхъ литовско-польскихъ католиковъ къ православному населенію его государства, а потому старался, по возможности, успокоить совѣсть православныхъ своихъ подданныхъ и бороться съ католическимъ изувѣрствомъ. Онъ утвердилъ особою грамотою церковныя права и преимущества юго-западной іерархіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался уравнивать православныхъ въ правахъ съ католиками. И въ Литовскихъ земляхъ, и въ самой Вильнѣ, онъ давалъ такъ называемое магдебургское право, по которому горожане управлялись и судились самими собою, чрезъ своихъ выборныхъ,— „обудву законамъ“, т. е. латинскому и греко-восточному, безъ различія и ограниченія, съ тѣмъ,

чтобы половина бурмистроль и райцевъ была изъ католиковъ, а другая изъ православныхъ.

Какъ знаменательный фактъ того, насколько въ царствованіе Сигизмунда I была слаба борьба между католичествомъ и православіемъ, показываетъ созваніе въ самой столицѣ княжества, въ Вильнѣ, православнаго собора, съ цѣлю установить церковный порядокъ и оградить духовенство отъ неумѣреннаго вмѣшательства мірянъ въ дѣла церкви. Этотъ Виленскій соборъ состоялся въ 1509 году, 25 декабря, при митр. Юсифѣ Солтанѣ. Правила этого собора касаются постановленія духовныхъ лицъ, поведенія ихъ и мірянъ, отношеній свѣтскихъ лицъ къ церкви и ихъ злоупотребленій. Определено было не добиваться священнаго сана путемъ подкупа, епископа, поставляющаго покушниковъ во священство, лишать сана; во священство ставить людей достойныхъ, испытанныхъ духовникомъ, недостойнаго же не ставить, если бы даже самъ король прислалъ такового; лишать священства тѣхъ, которые скроютъ свое поведеніе предъ духовникомъ, но обнаружатъ жизнь своею недостойнство; не допускать до священнодѣйствія священниковъ и монаховъ, когда они являются безъ увольнительныхъ грамотъ; вдовымъ священникамъ запретить служеніе, если они не примутъ монашества. Касательно отношенія свѣтскихъ лицъ—патроновъ—къ церкви постановлено: не лишать священниковъ и игуменовъ церковей и монастырей только по волѣ патрона; въ случаѣ лишенія мѣста священника, по распоряженію свѣтскаго лица, не назначать на это мѣсто другаго священника, пока не будетъ оказана справедливость первому; патроны могутъ оставлять свою церковь безъ священника не болѣе трехъ мѣсяцевъ, послѣ же такого срока священникъ назначается туда, по усмотрѣнію епископа; лишать сана тѣхъ священниковъ, которые служатъ только по волѣ патрона, не получивъ епископскаго благословенія; епископамъ не вмѣшиваться въ мірскія дѣла и не уклоняться отъ соборовъ за недосутами; мірянамъ воспрещается имѣть у себя Кормчую книгу, такъ какъ они, имѣя подъ руками церковныя правила, презираютъ паствы и сами себя законъ бываютъ.

Въ общемъ—въ послѣдніе годы правленія Александра и за все время правленія Сигизмунда I церковь православная въ Литовскомъ государствѣ виѣшне больше благоденствовала, чѣмъ прежде, со вре-

мени раздѣленія митрополіи: не было въ ней ни уніи, ни латинской пропаганды, ни прямыхъ гоненій за вѣру, кромѣ развѣ отдѣльныхъ случаевъ въ Галиціи. Но внутренняя болѣзнь церкви, начавшаяся еще прежде и подтачивавшая ея коренныя силы (подаваніе церковныхъ должностей), достигла теперь гораздо большаго развитія. И главнымъ виновникомъ тому былъ самъ Сигизмундъ I съ своимъ правомъ или, вѣрнѣе, произволомъ подаванія церковныхъ должностей. Оттого православная іерархія, особенно высшая, постепенно оскудѣвала и изнемогала нравственными силами, забывала о своемъ высшемъ призваніи служить Богу и спасенію ближнихъ, заботиться объ успѣхахъ вѣры и церкви, постепенно погружалась въ одни житейскіе интересы, такъ что когда, съ наступленіемъ новаго періода, явились болѣе сильныя враги православія, она оказалась слабою, чтобы противодѣйствовать имъ и охранять отъ нихъ свое духовное стадо. Настоящій періодъ, такимъ образомъ, служилъ постепеннымъ подготовленіемъ къ послѣдующему и естественнымъ переходомъ къ нему.

Состояніе церкви при Сигизмундѣ Августѣ (1548—1572).

Послѣ смерти Сигизмунда I въ 1548 г. преемникомъ его остался сынъ его Сигизмундъ II Августъ, плохо воспитанный, склонный къ придворной роскоши и удовольствіямъ, съ слабою волею, а потому и склонившійся, обыкновенно, въ ту сторону, куда влекли его обстоятельства. Онъ былъ чуждъ религіознаго латинскаго фанатизма и не стѣснялъ религіозныхъ убѣжденій своихъ подданныхъ. Онъ, на ряду съ другими иновѣрцами, даже покровительствовалъ православнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, злоупотреблялъ извѣстнымъ правомъ подаванія архіерейскихъ кафедръ и монастырскихъ настоятельствъ. Церковь православная, такимъ образомъ, внутренне ослабѣвала все болѣе и болѣе. А между тѣмъ предъ нею явился новый врагъ—протестанство; протестанство, въ свою очередь, своимъ побѣдами надъ латинствомъ вызвало въ Литву іезуитовъ; въ 1569 году произошла Люблинская унія, по которой Литовское княжество потеряло свою самостоятельность и вошло въ составъ польскаго государства, — все это, вмѣстѣ взятое, въ высшей степени тяжело отозвалось на православ-

ной церкви: на православных напали сначала протестанты, потомъ иезуиты, завязалась усиленная борьба и—съ далеко не равными силами.

Распространеніе въ Польшѣ и Литвѣ протестанства.

Въ Польшѣ и Литвѣ протестанство сдѣлалось извѣстнымъ еще въ самыя первыя времена появленія его въ западной Европѣ, въ то самое время, какъ проповѣдывали Лютеръ и особенно Кальвинъ, сдѣлалось извѣстнымъ не по слухамъ только, а чрезъ близкое знакомство съ нѣмъ польскихъ и литовскихъ людей. Этому знакомству способствовали: книги, воспитаніе польскихъ и литовскихъ аристократическихъ юношей въ германскихъ университетахъ и наконецъ нѣмецкіе колонисты. Но пока былъ живъ Сигизмундъ I, реформація не выступала открыто и только подготовляла для себя почву въ Польшѣ и Литовскомъ государствѣ. Рѣшительные успѣхи ея относятся къ тому времени, когда, по смерти отца, Сигизмундъ II Августъ сдѣлался самостоятельнымъ государемъ Литвы и Польши. Воспитанный въ такое время, когда протестантскія идеи были господствующими во всей западной Европѣ и съ дѣтства находясь подъ вліяніемъ людей, проникнутыхъ этими идеями, когда въ домашнемъ придворномъ кругу смѣло проповѣдывались не только лютеранство и кальвинизмъ, но и социніанское ученіе, Сигизмундъ Августъ не скрывалъ своей расположенности къ церковной реформѣ. Онъ держалъ при себѣ реформатскихъ проповѣдниковъ и собиралъ въ своемъ книгохранилищѣ протестантскія сочиненія. Вожди реформации—Лютеръ, Кальвинъ, Меланхтонъ, Цвингли,—посвящали ему свои сочиненія и изданія и входили съ нимъ въ переписку. Въ Литвѣ сильнымъ покровителемъ протестанства явился литовскій князь, Николай Радзивиль Черный, вызывавшій протестантскихъ проповѣдниковъ изъ Пруссіи, Бельгіи, и Швейцаріи. Протестанты самыхъ различныхъ направленій заводили въ Литвѣ и Польшѣ свои училища, типографіи, печатали книги, переводили Библию на народный языкъ и т. п.

Это протестантское движеніе произвело страшное опустошеніе въ римско-католической церкви. Пустѣли монастыри, цѣлыя приходы вмѣстѣ съ своими пастырями быстро преобразовывались въ протестантскія общины. Соблазнъ новаго ученія былъ такъ великъ,

Июль 1953 г. 4

что принимали его даже католическіе епископы, какъ напр. Кіевскій—Николай Паць. Православные, которые на первое время видѣли въ протестанствѣ лишь союзника, такъ какъ оно устремилось противъ исконнаго ихъ врага—латинства,—не избѣжали общаго увлеченія. Многіе молодые люди изъ знатныхъ фамилій Ходкевичей, Сапѣгъ, Горскихъ и др. приняли протестанство.

Этою безграничною вѣротерпимостію Сигизмунда Августа ко всемъ протестантскимъ сектамъ, а отсюда и упадкомъ католической церкви объясняется тотъ фактъ, что православная церковь не испытывала гоненій. Мало того, Сигизмундъ Августъ рѣшился сдѣлать для православныхъ то, на что не рѣшались его предшественники: въ 1563 г. онъ отмѣнилъ или, какъ самъ выразился, разъяснилъ на виленскомъ сеймѣ извѣстный городельскій законъ, устранявшій православныхъ отъ занятія государственныхъ и общественныхъ должностей. И это потому, что прежде на генеральныхъ сеймахъ преобладающее большинство составляли всегда латиняне, теперь же преобладающее значеніе перешло къ протестантамъ, которые очень хорошо понимали, что городельское постановленіе касается не только православныхъ, но и самихъ протестантовъ. И вотъ она воспользовались своею силою, въ соединеніи съ православными, чтобы измѣнить это постановленіе въ пользу вообще христіанъ не католиковъ.

Казалось, что положеніе православныхъ, хотя и порѣдѣвшихъ отъ вліянія протестанства, было болѣе или менѣе упрочено: исконный врагъ ихъ—латинство обезсилѣнъ, права ихъ восстановлены, но вотъ въ одинъ и тотъ же годъ (1569-й) совершились два роковыя событія, имѣвшія гибельнѣйшія послѣдствія для всего западно-русскаго края и существовавшей въ немъ православной церкви. На люблинскомъ сеймѣ утверждена такъ называемая политическая унія Литвы съ Польшею; это была собственно не унія, не соединеніе двухъ государствъ на равныхъ правахъ, а подчиненіе и порабощеніе литовскаго государства польскому,—порабощеніе, которое повело къ постепенному ослабленію и подавленію русскої народности и русскаго языка въ литовскомъ государствѣ, бывшихъ дотогдъ здѣсь господствующими. Въ томъ же году были вызваны въ Литву іезуиты—эти опытнѣйшіе борцы за интересы папства.

Появленіе и дѣятельность іезуитовъ

Необычайное распространеніе въ Литвѣ и Польшѣ протестанства привело въ сильное смущеніе католическую іерархію. Епархіальныя капитулы предписали общественыя молитвы о цѣлости римско-католическаго костела и жаловались королю, прося его оградить церковь отъ еретиковъ. А польскій кардиналъ Станиславъ Гозій, испытавъ всѣ литературныя средства въ борьбѣ съ протестантами, въ 1564 г. вызвалъ въ Польшу іезуитовъ и разослалъ посланія къ польскимъ епископамъ и магнатамъ польскимъ, увѣщевая послѣднихъ отдавать своихъ дѣтей для обученія іезуитамъ. Но въ Польшѣ іезуитамъ сначала было трудно утвердиться. Польскіе епископы были на дѣлѣ болѣе свѣтскими, чѣмъ духовными людьми, и мало заботились о нуждахъ своей церкви. Беззаботность ихъ поддерживалась еще тѣмъ, что собственно въ Польшѣ главная масса и сама по себѣ оставалась вѣрною папѣ. Іезуитамъ здѣсь было мало дѣла и больше опасности обнаружить дѣйствительныя свои намѣренія. Совсѣмъ другое ожидало ихъ въ Литвѣ, гдѣ латинство расплывалось въ-конецъ. Оставшіяся латинскія власти были въ большомъ страхѣ. Главнымъ представителемъ латинства въ Литвѣ былъ виленскій епископъ Валеріанъ Протасевичъ. Ему-то и предложилъ Гозій вызвать въ Вильну іезуитовъ. Протасевичъ немедленно воспользовался этимъ совѣтомъ. Нѣсколько іезуитовъ приглашены были поселиться въ Вильнѣ. Но одна вѣсть о предполагаемомъ поселеніи іезуитовъ въ Вильнѣ взволновала нелатинское населеніе города, такъ что іезуиты введены были въ Вильну только подъ прикрытіемъ военной силы. Это было въ 1569 году. Но принятые такъ враждебно, іезуиты хитрымъ поведеніемъ скоро успѣли заслужить себѣ расположеніе и поднять погрязенную католическую церковь. Они явились сюда смиренными иноками, благотворителями несчастныхъ среди народныхъ бѣдствій, ревностными проповѣдниками слова Божія, безкорыстными наставниками юношества. На юношество они дѣйствовали при посредствѣ прекрасно устроенныхъ школъ, съ бесплатнымъ обученіемъ и содержаніемъ для бѣдныхъ. На массы народныя они дѣйствовали великолѣпною обстановкою своихъ костеловъ и пышнымъ богослуженіемъ, краснорѣчивыми проповѣдями, религіозными процессіями, публичными диспутами, театральными

представленіями. Но главное вниманіе они обращали на аристократію, рассчитывая на то, что простыя массы будутъ увлечены примѣромъ своихъ пановъ. Въ аристократическіе дома они втирались въ качествѣ учителей, духовниковъ. Дѣти аристократическихъ и богатыхъ дѣтей въ школахъ іезуитовъ пользовались особеннымъ вниманіемъ и покровительствомъ. Въ іезуитскихъ виршахъ расточались напыщенные похвалы доблестямъ литовскаго дворянства и т. п. Результаты всей этой дѣятельности незамедлили обнаружиться. Протестанство быстро начало падать. Въ латинство стали возвращаться люди, бывшіе сильными поборниками протестанства и имѣвшіе по своему положенію большое значеніе, какъ напр. сыновья Радзивила Чернаго и др. Были жертвами ихъ и нѣкоторые изъ православныхъ, напр. жена Ивана Ходкевича и др.

Развитіе іезуитами мысли объ уніи съ Римомъ.

Всѣ эти побѣды іезуиты одержали безъ содѣйствія правительственнаго, котораго они никакъ не могли добиться при Сигизмундѣ Августѣ. Положеніе ихъ, поэтому, не могло считаться упроченнымъ и дѣйствія ихъ не могли быть особенно рѣшительными. Но обстоятельства скоро измѣнились въ ихъ пользу. Спустя три года послѣ люблинскаго сейма умеръ Сигизмундъ Августъ, послѣдній изъ Ягеллоновъ. На литовско-польскій престолъ съ этого времени начали вступать государи иноземные, избиравшіеся собственно Польшею и преданные ей, а не Литвѣ, обязывавшіеся при самомъ своемъ избраніи поддерживать не инныя вѣры, а именно польское католичество. Таковы были: Генрихъ Валуа (правиль только 3 мѣсяца) и Стефанъ Баторій. При послѣднемъ то іезуиты и получили желаемую для нихъ правительственную поддержку, такъ какъ самъ Стефанъ Баторій видѣлъ въ нихъ лучшихъ помощниковъ для осуществленія своихъ широкихъ политическихъ плановъ. И вотъ какъ скоро іезуиты утвердились въ Литвѣ прочно и ослабили первыхъ враговъ своихъ— протестантовъ, не замедлили обратить свое оружіе и противъ западно-русской церкви. Въ ихъ проповѣдяхъ и диспутахъ чаще и чаще слышались обличенія и противъ православныхъ; ихъ ученица, по временамъ, посѣщало православное юношество и, конечно, немногіе выходили оттуда православными. Еще задолго до

уніи іезуиты совратили въ латинство не мало православныхъ вельможъ. Но эта жатва не соотвѣтствовала ожиданіямъ и успіямъ латинскихъ ревнителей. Православные твердо стояли въ своей вѣрѣ и чуждались перехода въ латинство. Но въ іезуитахъ слишкомъ велико было желаніе видѣть окончательное торжество своей церкви и они рѣшились достигнуть этой цѣли, по отношенію къ православнымъ, другимъ путемъ, хотя дальнимъ и непрямымъ, но за то съ большимъ успѣхомъ, — они обратились къ уніи, при всей своей нетерпимости къ малѣйшему разногласію въ дѣлахъ вѣры. Такимъ образомъ, теперь, какъ во времена Ягайло и Александра, православные своею несокрушимою твердостью къ вѣрѣ отцевъ привели латинянь къ необходимости обратиться къ уніи, какъ менѣе поразительному переходу изъ православія въ латинство.

Мысль объ уніи постоянно стала проводиться іезуитами. Они стали усердно хвалить православную церковь и жалѣть объ ея дурномъ состояніи; православнымъ панамъ указывали на крайнее невѣжество православнаго духовенства, на то, что православіе стало вѣрою хлоповъ; духовенству говорили о раздражающей его зависимости отъ мірянъ и самостоятельномъ положеніи духовенства католическаго, только народомъ они пренебрегали, фальшиво разсчитывая на его безгласіе при шляхетскомъ строѣ Польскаго государства. Особенно полное развитіе эта мысль объ уніи получила въ сочиненіи ученаго іезуита Петра Скарги — „О единствѣ церкви Божіей подъ однимъ пастыремъ и греческомъ отъ сего единства отступленіи“ (изд. 1577). Старательно доказывая, что единая церковь Христова, вѣдь которой нѣтъ спасенія, — есть церковь Римская, что Христосъ поставилъ въ церкви Своей единаго верховнаго пастыря и главу—апостола Петра, что римскій папа есть преемникъ этого апостола и глава церкви, что онъ имѣлъ всегда верховную власть надъ всею церковію, созывалъ Вселенскіе соборы, поставлялъ и низлагалъ патріарховъ и проч., Скарга показываетъ рядъ мнимыхъ отступленій греческой церкви отъ римской и безпорядки въ Русской церкви. Остановливаясь на этихъ безпорядкахъ, Скарга причиной ихъ выставляетъ: 1) женатую жизнь поповъ, при которой они пекутся только о мірскомъ, огрубѣли и обратились въ хлоповъ; 2) славянскій языкъ, который Греки нарочно оставили Славянамъ при обращеніи въ христіанство, чтобы держать ихъ въ невѣжествѣ, по-

тому что только чрезъ греческій и латинскій языки можно преуспѣвать въ наукѣ; не было и не можетъ быть на свѣтѣ школы, гдѣ бы богословіе и другія науки читались на другомъ языкѣ; то-ли дѣло у католиковъ, у которыхъ одинъ языкъ и одна вѣра по всему свѣту? христіанинъ Индіи можетъ безъ затрудненія говорить о вѣрѣ съ полякомъ; 3) крайнее униженіе духовенства чрезъ вмѣшательство мірянъ въ духовныя дѣла. Въ заключеніе Скарга высказываетъ убѣжденіе и указываетъ мѣры къ соединенію русскихъ съ римскою церковію, какъ—единственному средству для исправленія указанныхъ недостатковъ. Для этого православнымъ нужно только признать главенство папы и ученіе римской церкви, а обряды могутъ оставаться неприкосновенными. Въ этомъ сочиненіи была начертана программа дѣятельности, которой впоследствии слѣдовали іезуиты при дѣйствительномъ введеніи униі. Это сочиненіе Скарга, для большаго успѣха между русскими посвященное знаменитѣйшему изъ нихъ, князю Константину Константиновичу Острожскому, послужило прототипомъ для всѣхъ другихъ сочиненій, написанныхъ іезуитами въ пользу униі.

Для тѣхъ же цѣлей—уничтоженія разномыслія въ вѣрѣ—служила и Виленская іезуитская академія, преобразованная изъ коллегіума, основаннаго іезуитами въ Вильнѣ (1570 г.); покровительствовавшимъ имъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1577 г. Она получила всѣ права и привилегіи университетовъ и обнимала всѣ ступени школьнаго образованія, начиная изъ низшихъ. Все преподаваніе здѣсь велось на латинскомъ языкѣ. Главными предметами обученія были: латинь, схоластическая реторика и богословіе. Взавшись за воспитаніе юношества, іезуиты до крайности сѣздили кругъ его понятій. Изъ опасенія вреда отъ свободнаго разсужденія они подавляли въ немъ всякое самостоятельное размышленіе и заковывали умъ въ цѣпи рабства; подчиняя не только внѣшніе поступки, но и самое душевное расположеніе человѣка постоянному и неумолимому надзору, они убивали энергію воли въ самомъ ея зародышѣ, и грубыми и унизительными наказаніями притупляли благородныя чувства. Любовь къ народу, его обычаямъ и преданіямъ, доблестямъ и подвигамъ принесены были въ жертву другой любви къ тому духовно-политическому царству, центромъ котораго былъ Римъ, а монархомъ папа. Литовская шляхта увлекалась внѣшнею постановкою образо-

ванія въ академіи. Академія стала переполняться учениками, тѣмъ болѣе, что для бѣдныхъ воспитанниковъ при ней было устроено нѣсколько бурсъ съ бесплатнымъ помѣщеніемъ и столомъ. Понятно, что этимъ путемъ іезуиты приготовляли все болѣе и болѣе количество полезныхъ для себя людей. Во главѣ академіи стоялъ извѣстный іезуитъ Петръ Скарга, ревностный поборникъ уніи и скоро сдѣлавшійся ближайшимъ совѣтникомъ самаго короля польскаго Сигизмунда III.

Усиленіе римско-католическаго вліянія на высшіе классы общества при Сигизмундѣ III (1587—1632).

Если и въ предшествующее время, въ слѣдствіе Люблинской уніи, подчинившей интересы Литвы Польшѣ, и особенно въ слѣдствіе систематической дѣятельности іезуитовъ, въ связи съ давнишнею болѣзнію церкви отъ злоупотребленія „подаваніемъ“ кафедръ, римско-католическое вліяніе на высшіе классы общества было довольно сильно, то это вліяніе еще болѣе усилилось при преемникѣ Стефана Баторія, Сигизмундѣ III.

Новый король, Сигизмундъ III, отъ колыбели былъ воспитанникомъ іезуитовъ и покорный всѣмъ внушеніямъ ихъ до гроба. Какъ только онъ вступилъ на престолъ, іезуиты немедленно окружили его со всѣхъ сторонъ. Они были его духовниками, проповѣдниками, секретарями. Безъ ихъ совѣта онъ не обходился даже въ общественныхъ дѣлахъ. Сила іезуитовъ, такимъ образомъ, поднялась до высшихъ предѣловъ. А между тѣмъ православная церковь въ лицѣ высшей іерархіи, слабѣла все болѣе и болѣе. Униженное положеніе ея, недостойное поведеніе іерархіи и множество другихъ безпорядковъ выступали все яснѣе и яснѣе. А этимъ всѣмъ искусно пользовались іезуиты въ цѣляхъ пропаганды уніи съ Римомъ. И вотъ въ результатъ всего этого въ западно-русской церкви незамѣтно образовывалась партія людей, утомившихся религіозною борьбою, способныхъ ради житейскихъ выгодъ на всякія сдѣлки съ латинствомъ. Эта партія въ виду вышеуказанной системы іезуитовъ состояла главнымъ образомъ изъ высшихъ классовъ общества.

Борцы за православіе.

Вмѣшательство латинской власти въ дѣла западно-русской церкви; вторженіе въ ея предѣлы іезуитовъ, протестантовъ и собственное зло въ ней самой пробудили необычайную ревность въ лучшихъ сынахъ западно-русской церкви: въ противоположность вышеуказанной партіи образовалась партія ревнителей православной вѣры, способная прикести все въ жертву дорогимъ убѣжденіямъ, образовались братства. Братства въ нѣкоторыхъ западно и южно-русскихъ городахъ стали появляться еще съ половины XV вѣка, но число ихъ было не велико и они носили смѣшанный характеръ: отчасти религіозныхъ, отчасти цеховыхъ корпорацій. Религіозная задача этихъ, такъ называемыхъ медовыхъ, братствъ состояла въ заботахъ о матеріальныхъ нуждахъ церкви и о госпиталяхъ. Задача эта выполнялась такимъ образомъ: члены каждаго братства дѣлали вкладчину, покупали и варили медъ, въ дозволенной правительствомъ пропорціи, по нѣскольку разъ въ годъ на избранные праздники. Воскъ отъ меда отдавали въ церкви на свѣчи, сваренный медъ распивался на избранныхъ братствомъ праздникахъ въ братскомъ домѣ (каждое братство имѣло въ городѣ свой домъ), куда сходились братчики въ каждый свой праздникъ по три дня сряду, а также приглашали гостей и допускали стороннихъ за небольшую плату. Если медъ еще оставался, то остатокъ продавали безпошлинно, а вырученныя деньги употребляли на церковное строеніе, на слугъ церковныхъ, на госпиталь, на милостыню бѣднымъ, на погребеніе замерзшихъ и другихъ покойниковъ, которыхъ некому было похоронить. Уставъ этихъ братствъ былъ одинъ и тотъ же. Каждое принимало въ свой составъ и въ свои собранія людей всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и латинянъ. Каждое избирало своихъ старостъ, которые въ продолженіе года завѣдывали дѣлами братства и потомъ давали ему отчетъ. Каждое братство пользовалось самоуправленіемъ и самосудомъ по дѣламъ братскимъ и по всѣмъ проступкамъ, какіе совершались въ братскомъ домѣ во время братскихъ собраній къъ бы то ни было. Въ общемъ—до послѣдней четверти XVI вѣка такихъ братствъ было немного, религіозныя задачи ихъ были не широки, по своему составу они носили сословный характеръ. Въ другомъ видѣ представляются братства съ послѣдней четверти XVI вѣка.

Теперь братства одно за другимъ появляются въ большихъ и малыхъ городахъ и мѣстечкахъ и въ какіе нибудь 10—15 лѣтъ образуютъ довольно густую сѣть на пространствѣ отъ Львова до Вильны и Мстиславля. Съ другой стороны, въ виду вышеуказанныхъ обстоятельствъ времени, явилось сознаніе относительно узкости религиозныхъ задачъ, сводившихся братствами къ попеченію только о матеріальныхъ нуждахъ отдѣльныхъ приходскихъ церквей, убѣдились въ необходимости такихъ учреждений, которыя имѣли бы задачей служить *всей православной церкви* въ Литвѣ и для удовлетворенія не столько вещественныхъ, сколько *духовныхъ* ея потребностей, прежняя организація братствъ являлась тоже непригодною. Такая реформа была осуществлена по почину, предпринятому старѣйшимъ изъ южно-русскихъ братствъ, именно львовскимъ въ 1586 году. Воспользовавшись прїѣздомъ въ Львовъ антиохійскаго патріарха Іоакима, львовскіе мѣщане представили на его утвержденіе выработанный ими новый братскій уставъ, служившій послѣ того образчикомъ и для другихъ братствъ. По смыслу новаго устава, братство не есть болѣе сословный кружокъ лицъ, преслѣдующихъ частныя религиозно-благотворительныя цѣли, но является обще-церковнымъ учрежденіемъ, задача котораго—во всестороннемъ служеніи пользѣ и интересамъ всей западно-русской церкви. Поэтому братства: 1) теряютъ прежній полудуховый характеръ и становятся всесословнымъ союзомъ, въ составъ котораго могли вступать люди „всякаго стана“, и притомъ не одни мужчины, но и женщины, 2) не отказываясь отъ преслѣдованія прежнихъ благотворительныхъ цѣлей, братства считаютъ теперь главнымъ своимъ дѣломъ: открытіе училищъ, содержаніе при нихъ ученыхъ людей, заведеніе типографій и воспитаніе въ своихъ школахъ православныхъ дѣтей и 3) въ видахъ достиженія единства и солидарности своихъ дѣйствій, братства организуются въ одинъ общій союзъ, въ которомъ львовскому братству дается первенство между всѣми братствами, какъ прежде основанными, такъ и имѣющими возникнуть, и даже право нѣкотораго рода контроля надъ ихъ дѣятельностью. Въ частности львовскому братству предоставлено еще право: обличать всякаго, противящагося христіанскому закону и отметать отъ церкви всякое безчynie, наблюдать за жизнью и нравственностью не только своихъ членовъ, но и лицъ стороннихъ, какъ мірянъ, такъ

и духовныхъ, а о неисправляющихся доносить епископу; если же и епископъ пойдетъ противъ закона истины и станетъ править церковію не по правиламъ св. Апостоловъ и св. Отцевъ, то братчикамъ давалось право противиться ему, какъ врагу истины. И вотъ, пользуясь такими полномочіями и опираясь на сочувствіе и поддержку православныхъ дворянъ, которые стали теперь охотно вписывать свои имена въ братскіе реестры, братства настойчиво стараются простирать свое вліяніе на высшее управленіе дѣлами западно-русской церкви и обузданіе своеволя распатаннаго въ своихъ нравственныхъ устояхъ духовенства: они ставятъ архіереямъ на видъ всё безобразіа, творившія тогда въ архіерейской средѣ, побуждаютъ ихъ созывать ежегодно соборы, сами посылаютъ на эти соборы своихъ уполномоченныхъ и вносятъ предложенія, направленные къ коренной церковной реформѣ и возстановленію древняго ея благоустройства. Одновременно съ братствами возникаютъ въ краѣ и православныя училища, о какихъ прежде русскіе и понятія не имѣли, но объ нихъ рѣчь будетъ далѣе.

Кромѣ братствъ, на защиту православія выступили и отдѣльныя личности—лучшіе сыны западно-русской церкви, православные паны. Богатые, роскошные дворцы ихъ превращались въ ученые засѣданія и кабинеты, гдѣ скромные иноки, на ряду съ знаменитыми вельможами, трудились усердно для духовнаго просвѣщенія. Но выше всѣхъ, тогдашнихъ защитниковъ православія, стоялъ знаменитый князь К. К. Острожскій. Онъ вступилъ въ ближайшія сношенія съ Востокомъ, образовалъ около себя кружокъ образованныхъ людей, собиралъ и издавалъ церковныя книги и сочиненія въ защиту православія, заводилъ училища и разсылалъ по Литвѣ достойныхъ учителей и проповѣдниковъ. Его постоянная, неусыпная заботливость о благѣ западно-русской церкви была извѣстна всѣмъ. Самъ король Стефанъ Баторій почтилъ это благочестивое усердіе князя. Уважая въ немъ несомнѣнныя заслуги Литовско-Польскому государству, онъ въ награду за нихъ далъ князю то, что доблестный сынъ западно-русской церкви считалъ выше всѣхъ наградъ. Онъ призналъ за княземъ право на высшій и самый обширный патронатъ въ западно-русской церкви: назвалъ его верховнымъ хранителемъ и защитникомъ ея. И такой титулъ не былъ однимъ почетомъ. Весь православный народъ западно-русскій признавалъ за

княземъ это названіе, независимо отъ всякихъ привилегій короля, и глубоко вѣрилъ, что князь Острожскій—главный столпъ западно-русской церкви. Самымъ важнымъ памятникомъ благочестивой ревности князя К. К. Острожскаго было изданіе полной славянской Библии въ городѣ Острогѣ въ 1581 году. Это было первое печатное изданіе Библии на Руси¹⁾. Трудъ этотъ выполнялся при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Нужно было найти людей, способныхъ къ этому дѣлу, списки священныхъ книгъ и потребныя пособія. Когда таковой списокъ²⁾ полученъ былъ изъ Москвы (ок. 1575 г.) и приступили къ сличенію его съ другими списками, то открылись не только „разности“, но и „развращенія“ (порча). Это смутило князя, но не остановило въ его важномъ предпріятіи. Избравъ довѣренныхъ людей и не щадя издержекъ, онъ отправилъ ихъ съ письмами въ монастыри греческіе, сербскіе, болгарскіе, въ Константинопольскому патриарху Іереміи II, въ Италію, на островъ Критъ съ просьбою прислать вѣрные списки Библии. Были присланы и люди, способные къ совершенію такого важнаго дѣла. Послѣ совѣщанія съ ними, избранъ былъ такой списокъ греческаго перевода LXX, который былъ наиболее согласенъ съ еврейскимъ текстомъ и славянскою Библіею, присланною изъ Москвы. Въ Славянской Библии не было 3-й книги Ездры, книгъ Іудии и Товита и 3-й Маккавейской книги: первыя три книги переведены съ латинскаго, а послѣдняя съ греческаго; прочія книги были исправлены, хотя не все въ одинаковой мѣрѣ. Самое исправленіе состояло въ томъ, что издатели исправляли ошибки писцовъ, дополняли пропуски, исправляли ошибочное дѣтосчисленіе и собственныя имена лицъ и мѣстъ; исправляли грамматическія ошибки и, вмѣсто обветшалыхъ словъ, ставили болѣе употребительныя въ то время. Но при всей тщательности веденія дѣла, въ этомъ трудѣ, какъ первомъ въ своемъ родѣ опытѣ, многое осталось неисправленнымъ: кромѣ мѣстъ темныхъ, остались многіе пропуски и ошибки переписчиковъ,—тѣмъ не менѣе Острожское изданіе Библии было драгоценнымъ даромъ не только для западно-русской, но и для всей

¹⁾ Острожская Библия вышла подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Библия стрѣчь книги ветхаго и новаго Завета, по языку словенску“.

²⁾ Такъ называемый Геннадіевскій, составленный Геннадіемъ, архіеп. Новгородскимъ въ 1499 г.

Русской церкви. Въ основу всѣхъ послѣдующихъ изданій Библии на Руси до Петербургскаго изданія въ 1751 году полагался текстъ Острожскаго изданія.

Пріѣздъ въ западную Россію Константинопольскаго патріарха Іереміи II.

Вѣсти о нестроеніяхъ въ западно-русской церкви, безъ сомнѣнія, не разъ доходили до ея верховнаго пастыря, вселенскаго патріарха: наконецъ онъ увидѣлъ ихъ и собственными глазами. Направляясь въ Москву для сбора пожертвованій, Константинопольскій патріархъ Іеремія II избралъ путь чрезъ Польшу и Литву. Это было въ 1588 году. Польскія власти встрѣтили его съ предупредительностью. По пріѣздѣ же его въ Вильну, на встрѣчу ему вышли всѣ православные жители города и принимали его съ величайшими почестями. Члены недавно образовавшагося Виленскаго Свято-Троицкаго братства представили первосвятителю свой печатный уставъ. Іеремія одобрилъ уставъ и скрѣпилъ его своею печатью; далъ братству благословенную грамоту и дозволилъ ему имѣть братскую школу греческаго, латинскаго и русскаго языка, равно и друкарню для печатанія книгъ. Предоставилъ митрополиту, съ его намѣстникомъ и со всѣмъ духовенствомъ, по просьбѣ всего братства, отлучать отъ церкви всенародно въ церкви тѣхъ братчиковъ, которые будутъ не покоряться истинѣ и подавать соблазнъ другимъ, а самъ напередъ изрекъ свое неблагословеніе на всякаго, кто дерзнетъ раззорять братство, или клеветать на него, или вносить въ него несогласіе и раздоръ. Въ заключеніе же грамоты, которую приказалъ прочитатъ по всѣмъ церквамъ, убѣждалъ православныхъ не отступать отъ того „праведнаго пути“, на которомъ они находятся, и пребывать вѣрными во всемъ церковнымъ постановленіямъ, какія приняли они изначала.

Въ Вильнѣ на этотъ разъ патріархъ Іеремія оставался только 12 дней и отправился въ Россію, вездѣ сопутствуемый вниманіемъ и почестями; но ровно чрезъ годъ, на возвратномъ пути изъ Москвы, онъ снова прибылъ въ Литву и остановился въ Вильнѣ. Чтобы власть патріарха имѣла больше силы и значенія, князь К. К. Острожскій, вмѣстѣ съ другими поборниками чистоты вѣры, просилъ

короля Сигизмунда уполномочить Святителя окружною грамотою. Сигизмундъ, тогда еще недавно вступившій на престоль, не рѣшился отказать въ этой просьбѣ и написалъ универсалъ ко всѣмъ властямъ и жителямъ королевства, чтобы никто не препятствовалъ патріарху совершать свое дѣло и судить, рядить и чинить расправу надъ всѣми духовными лицами греческаго закона отъ самыхъ высшихъ до низшихъ. Работы для патріарха предстояло дѣйствительно много: западно-русская церковь въ эту пору находилась въ печальномъ положеніи.

Самая главная и самая естественная опора церкви—іерархія, вслѣдствіе злоупотребленія правомъ „подаванія“ каедръ, была крайне деморализована. Епископы оставались духовными сановниками только по имени и одеждѣ, а на дѣлѣ были настоящими свѣтскими панами, изъ среды которыхъ и избирались, жили и дѣйствовали, какъ паны, заботились только о матеріальныхъ благахъ, ради которыхъ вели постоянную борьбу между собою и мірянами—даже иногда съ оружіемъ въ рукахъ. На митрополичьей каедрѣ былъ двоеженецъ Онисифоръ Дѣвочка; за нимъ нѣсколько двоеженцевъ занимали епископскія каедръ, тѣмъ болѣе было много двоеженцевъ и даже троюженцевъ среди низшей іерархіи. Иезуиты, работавшіе въ Литвѣ уже двадцать лѣтъ, успѣли своими школами, своею проповѣдью и диспутами и особенно сочиненіями достаточно познакомить русскихъ духовныхъ и мірянъ—съ своими понятіями о подготовлявшейся уніи и иныхъ поколебать въ вѣрѣ, другихъ даже обратить въ латинство, третьихъ предрасположить къ себѣ льстивыми обѣщаніями, а главное успѣли посадить на королевскомъ престолѣ Сигизмунда Ш, своего питомца, который, подъ ихъ руководствомъ, готовъ былъ употребить всѣ мѣры для насажденія уніи въ своемъ государствѣ.

Заручившись грамотою короля, патріархъ Іеремія началъ исправленіе беспорядковъ сверху. Онъ низложилъ митр. Онисифора, какъ двоеженца, затѣмъ рѣшился низложить и всѣхъ двоеженцевъ въ іерархіи, установить на будущее время обычай возводить на высшія іерархическія мѣста монашествующихъ, прозвести судъ надъ всѣми, виновными въ нечистой жизни и дать силу новому движенію—братствамъ.

Новымъ митрополитомъ былъ поставленъ минскій архимандритъ Михаилъ Рагоза. Но выборъ этотъ въ такое тревожное время

былъ крайне не удаченъ. Михаилъ Рагоза не имѣлъ ни одного изъ качествъ, необходимыхъ для высшаго управленія церкви, ни твердости воли, ни глубокаго ума и образованія. Не нужно было иезуитской хитрости, чтобы увлечь его къ униі. Онъ былъ довольно честенъ, чтобы самому начать дѣло измѣны, но можно было напередъ сказать, что у него не достанетъ силы духа на то, чтобы отстоять свое положеніе, когда ему будетъ угрожать опасность. Самъ патріархъ, видимо, не довѣрялъ новому митрополиту, потому что поставилъ его дѣйствія подъ контроль лукаваго епископа Кирилла Терлецкаго, назначивъ послѣдняго своимъ экзархомъ и подчинивъ ему, какъ своему намѣстнику, всѣхъ прочихъ епископовъ Кіевской митрополіи. Это была новая должность въ западно-русской церкви, никогда прежде не существовавшая, — съ правами наблюдать за епископами, даже за самимъ митрополитомъ и, въ случаѣ нужды, судить ихъ соборомъ. Но это раздѣленіе власти не могло обѣщать ничего хорошаго: оно возбуждало только неудовольствіе къ патріарху, которымъ и безъ того были многіе недовольны. Обиженъ былъ недовѣріемъ къ себѣ митрополитъ, остался недоволенъ и новый экзархъ, мечтавшій самъ быть митрополитомъ. Кромѣ того патріархъ, по проискамъ львовскаго епископа Гедеона, издалъ нѣсколько грамотъ, противъ Кирилла Терлецкаго, которыя хотя и призналъ скоро же недѣйствительными, такъ какъ подписалъ ихъ по незнанію русскаго и славянскаго языка, но этимъ показали, что и своему экзарху довѣрялъ мало. Недовольны были патріархомъ всѣ тѣ епископы, которые по каноническимъ правиламъ не имѣли права на занимаемыя ими должности. Особенно раздраженъ былъ львовскій епископъ Гедеонъ Болобанъ распоряженіями патріарха, касавшимися львовскаго братства. Всѣ усилія его подчинить братство своей епархіальной власти остались безуспѣшными. Грамотою львовскому братству (13 ноября 1589 г.) патріархъ усилить его права: подтвердивъ его независимость отъ мѣстной епархіальной власти, патріархъ далъ ему право избирать для своей церкви священниковъ и удалять ихъ, печатать въ своей типографіи церковныя книги и руководить всѣмъ образованіемъ въ Львовѣ.

Когда патріархъ Іеремія удалился изъ Литвы, дѣла западно-русской церкви находились въ слѣдующемъ положеніи. Открыты были предъ всѣми сильныя и давніе недуги этой церкви и указаны

мѣры къ ихъ уврачеванію. Необходимость переменъ стали чувствовать всѣ, но различно. Патроны, братства и митрополиты усматривали эту перемену, вслѣдъ за патриархомъ, въ исправленіи зла западно-русской церкви по каноническимъ правиламъ и литовско-польскимъ законамъ, но іезуиты позаботились указать другое средство къ улучшенію дѣлъ. Пользуясь вышеуказаннымъ неудовольствіемъ на патриарха, они постарались выставить на видъ его безумныя распоряженія и ошибочныя грамоты. Они стали проповѣдывать, что патриархъ по произволу готовъ несправедливо лишить каедръ всякаго іерарха; а учрежденіе братствъ, вполнѣ преданныхъ патриарху, было представлено ими съ такой именно стороны, что они, ослабляя власть епископовъ и сносясь постоянно съ патриархомъ, дѣлаютъ положеніе западно-русскихъ іерарховъ безвыходнымъ. Единственное средство, поэтому уврачевать зло—въ соединеніи съ латинянами. Въ этомъ соединеніи представлялись на видъ всѣ житейскія и духовныя выгоды,—совершенная безопасность и награды людямъ недостойнымъ и своекорыстнымъ, людямъ благонамѣреннымъ—богатыя средства защищать церковь отъ еретиковъ и буйныхъ мірянъ, всѣмъ вообще—спокойствіе жизни и совѣсти. Убѣжденіе это подкрѣплялось тѣмъ, что обѣ церкви—восточная и западная—прежде составляли одно, что унія не измѣнитъ вѣры православной и что сами восточные іерархи непремѣнно соединились бы съ Римомъ, если бы имъ не мѣшали въ этомъ турки по политическимъ своимъ видамъ.

Съ другой стороны, пріѣздъ патриарха въ Литву, обѣщавшій тамъ много добра для западно-русской церкви и такъ много зла для предполагаемой унии, былъ какъ бы знакомъ къ гоненію на православныхъ. Многіе буйные вельможи и шляхтичи православные, потерявшіе уже любовь къ своей церкви, многіе отступники отъ православной вѣры и латиняне, воспитанные іезуитами, устремились притѣснять западно-русскую церковь и народъ, какъ бы по королевскому указу и новому долгу совѣсти.

Въ силу всего этого мысль объ унії дѣлалась все популярнѣе и популярнѣе, исключеніе составляли только братства, за то болѣе всего ея держались тѣ, интересы которыхъ были чувствительно затронуты патриархомъ. Они явились и главными дѣятелями унии.

Дѣятели уніи: Кириллъ Терлецкій и Ипатій Поцѣй.

Первыми дѣятелями въ пользу уніи изъ православныхъ и были именно тѣ изъ епископовъ, для которыхъ новое движеніе, возбужденное въ западно-русской церкви патриархомъ Іеремією и направленное къ исправленію беспорядковъ въ іерархіи и утвержденію братствъ, казалось слишкомъ тяжелымъ и не мирилось съ ихъ своекорыстными интересами. Сознаніе тяжести своего положенія для этихъ, нравственно-неустойчивыхъ, іерарховъ увеличивалось еще тѣмъ, что они видѣли, что распоряженія патриарха уже начали приводиться въ исполненіе. По приказанію патриарха въ іюнѣ 1590 г. въ Брестѣ составленъ былъ соборъ, на которомъ постановлено—внимательно наблюдать и искоренять всякое зло въ церкви, а для прочнаго успѣха ежегодно составлять соборы всѣмъ іерархамъ съ лучшимъ духовенствомъ, подъ опасеніемъ строгой ответственности за уклоненіе отъ этой обязанности. Во главѣ такихъ епископовъ сталъ патриаршіи экзархъ, Кириллъ Терлецкій. Кромѣ недовольства патриархомъ и даже опасности суда за нѣкоторые свои проступки, онъ имѣлъ еще и другія причины, заставлявшія его хлопотать объ уніи. Въ 1590 г. онъ подвергся сильнѣйшимъ оскорбленіямъ со стороны войскаго луцкаго Ждана Броневскаго. Броневскій, воспользовавшись отлучкою Кирилла въ Сандомірь, расхитилъ его имущество. Кириллъ принесъ жалобу на это князю Острожскому, но Броневскій такъ искусно оклеветалъ его предъ княземъ, что послѣдній отказалъ ему въ поддержкѣ и совершенно измѣнилъ свои прежнія дружественныя къ нему отношенія. Еще тяжелѣе нанесена была обида Кириллу луцкимъ старостою Семашкою въ слѣдующемъ году. Этотъ Семашко, въ отсутствіе Кирилла изъ Луцка, поставилъ у воротъ луцкаго замка, въ которомъ находились православная соборная церковь и архіерейскій домъ, своего привратника съ гайдуками и приказалъ брать пошлину со всѣхъ православныхъ, духовныхъ и мірянъ, за право входа въ церковь, а когда возвратился епископъ, то гайдуки пропустили въ замковыя ворота только его одного съ мальчикомъ¹⁾. Въ страстную субботу и Пасху никого даже изъ духовныхъ лицъ не было пропущено въ замокъ, а потому и службы не было. Самъ епископъ въ оба эти дня

¹⁾ Это было на шестой недѣлѣ Великаго поста.

сидѣлъ въ заключеніи, безъ пищи и прислуги. Въ то же время Семашко допустилъ разнаго рода поруганія и надъ церковною святынею: въ оба эти дня онъ приходилъ съ своими гайдуками въ соборную церковь, заводилъ въ притворѣ ея танцы и другія игры съ музыкаю, приказывалъ имъ стрѣлять въ золоченный крестъ и куполь собора. Кирилль началъ процессъ съ своимъ притѣснителемъ, но этотъ процессъ принесъ только новыя для него оскорбленія. Подъ вліяніемъ раздраженія на всѣ эти обиды, Кирилль готовъ былъ теперь на все, лишь бы только измѣнить свое положеніе. Къ нему присоединился львовскій епископъ Гедеонъ Волобанъ, не мирившійся съ предоставленными патриархомъ правами львовскому братству и за что получившій отъ патриарха угрозу изложеніемъ. Сюда же присоединились и еще два епископа—пискій Леонгій Пельчынскій и холмскій Діонисій Збируйскій, оба возведенные въ санъ епископскій изъ женатыхъ мірянъ и не желавшіе оставлять семейной жизни, а потому теперь серьезно опасавшіеся за свое положеніе. И вотъ въ 1591 г. (24 іюня) за подписью всѣхъ этихъ четырехъ епископовъ королю подана была грамота о готовности ихъ принять унію, съ условіемъ сохраненія всѣхъ обрядовъ православной церкви и обезпеченія ихъ правами и привилегіями. Сигизмундъ былъ очень радъ этому. Въ отвѣтъ на эту грамоту онъ (1592 г. 18 мая) издалъ свою грамоту, въ которой обѣщаль за себя и за своихъ преемниковъ полную цѣлость богослуженія православной церкви, обѣщаль просителямъ разныя милости, защиту отъ патриарха и неотъемлемость должностей, а въ заключеніе прибавлялъ, что всѣ эти преимущества будутъ предоставлены всякому, кто подпишется на унію. Начатое дѣло пока велось въ тайнѣ. Между тѣмъ епископы, согласившіеся на унію, скоро нашли себѣ важнаго союзника въ лицѣ вновь поставленнаго (въ 1593 г.) владимірскаго епископа Инатія Поцѣя. Для сторонниковъ уніи это былъ самый нужный и пригодный человекъ. По своимъ религіознымъ убѣжденіямъ Инатій Поцѣй былъ въ высшей степени не твердый. По рожденію православный, онъ въ краковской академіи, гдѣ получилъ образованіе, принялъ латинство, потомъ увлекся протестанствомъ, наконецъ снова принялъ православіе. Притомъ онъ былъ знатнаго рода, самъ былъ сенаторомъ и находился въ связяхъ съ самыми высшими государственными сановниками; отличался широкимъ образованіемъ и, что важно, отличался привязанностію къ

унии: тогда какъ Кирилль Терлецкій и другіе епископы рѣшались принять унію по своекорыстію, Поцѣй дѣйствовалъ по убѣжденію. Съ первыхъ же дней своей новой жизни Поцѣй обнаружилъ необыкновенную ревность къ вѣрѣ. Онъ проводилъ время въ изученіи Слова Божія и подвигахъ благочестія. Такое его поведеніе подкупающимъ образомъ дѣйствовало на ревнителей православія. Князь К. К. Острожскій перенесъ на него расположеніе, какое прежде питалъ къ Терлецкому и даже повѣрилъ ему свои задушевные мысли. Видя безпорядки въ западно-русской церкви, ея прииженное положеніе и сознавая, что самыя напряженныя его усилія для ея блага сопровождаются постоянными неудачами, этотъ глубоко православный и ревностный по вѣрѣ князь пришелъ къ мысли улучшить положеніе церкви посредствомъ унии съ Римомъ. Но унія его была не такая, какой желали въ Литвѣ, особенно правительство. По мысли князя унія должна быть заключена при участіи всѣхъ восточныхъ и русскихъ іерарховъ; при этомъ православныя церкви не должны обращаться въ костелы, православные не должны приниматься въ католичество, если бы даже того пожелали, митрополитъ и епископы должны быть допущены на сеймы и въ сенатъ. Всѣ эти мысли князь изложилъ въ своемъ письмѣ Поцѣю и просилъ его предложить митрополиту и епископамъ обсудить это дѣло на соборѣ. Поцѣй понималъ, что унія въ такомъ видѣ не осуществима, что ни на востокъ, ни въ Москвѣ не согласятся на нее, а потому отказался исполнить порученіе князя, а самъ велъ оживленныя сношенія съ Терлецкимъ и пропаганду унии.

Король, руководимый іезуитами, спѣшилъ также подвинуть дѣло къ концу: въ маѣ 1594 года онъ назначилъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Поцѣя къ поѣздкѣ въ Римъ въ качествѣ уполномоченныхъ отъ другихъ владыкъ для заключенія унии. Послѣ этого послѣднимъ оставалось только собрать эти полномочія. 2 декабря того же года они составили какъ-бы отъ лица всей западно-русской церкви и актъ о принятіи унии и приступили къ собиранію подъ нимъ подписей. Самымъ усерднымъ помощникомъ ихъ въ этомъ отношеніи явился Гедеонъ Болобанъ. Онъ въ началѣ 1595 года составилъ даже открытый соборъ, на которомъ духовенство львовской и другихъ епархій и даже греческіе епископы и архимандриты, бывшіе на соборѣ, согласились на унію. Но не было еще согласія на

то самого митрополита. Кирилль Терлецкій успѣлъ и въ этомъ. Онъ искусно выставилъ предъ митрополитомъ съ одной стороны,— какія выгоды можно получить отъ уніи, а съ другой—его затруднительное положеніе между недоброжелательствомъ къ нему патріарха и гнѣвомъ короля, если онъ откажется пристать къ уніи. Митрополитъ склонился на эти внушенія, хотя и просилъ Терлецкаго держать имя его въ тайнѣ. Между тѣмъ лѣтомъ составлены были самыя условія уніи для представленія королю и папѣ. Сущность этихъ условій заключалась въ слѣдующемъ: 1) догматы, обряды, установленія и богослужебный языкъ русской церкви остаются неукосновенными; 2) епископы, наравнѣ съ епископами римскими, получаютъ право присутствовать на сеймахъ и въ сенатѣ; 3) іерархическія и имущественныя права епископовъ и всего духовенства, по примѣру духовенства римскаго, не стѣсняются свѣтскими властями, а равно—братствами и распоряженіями патріарха. При такихъ условіяхъ унія не должна была ничего измѣнять въ западно-русской церкви и состоять въ одномъ лишь почетномъ признаніи главенства папы. Въ такомъ же духѣ составлено было и соборное посланіе папѣ Клименту VIII, подписанное (въ іюнѣ), какъ и условія (артикулы), митрополитомъ и епископами.

Заручившись этими документами, Терлецкій и Поцѣй готовы были отправиться въ Римъ. Но лишь только пронеслась вѣсть, что митрополитъ и епископы подписали актъ объ уніи и отправили его къ королю, какъ раздались протесты со стороны мірянъ. Протесты были до того сильны и важны, что поѣздка въ Римъ уполномоченныхъ отерочилась болѣе, чѣмъ на три мѣсяца. Первымъ выступилъ князь Б. К. Острожскій. Узнавъ, что унія заключается безъ согласія восточныхъ патріарховъ и всего московскаго духовенства и князя, безъ участія даже низшаго духовенства и паствы, онъ разослалъ окружное посланіе ко всемъ православнымъ Литвы и Польши. Въ немъ онъ извѣщалъ ихъ объ уклоненіи въ унію митрополита и епископовъ, называлъ послѣднихъ волками, злодѣями и предателями церкви Христовой и побуждалъ всехъ стоять за православную вѣру, обѣщаясь самъ бороться за православіе, „пока достанетъ силъ“. Посланіе Острожскаго произвело сильное впечатлѣніе. Неясные слухи, ходившіе въ народѣ относительно измѣны православію митрополита и епископовъ, перешли теперь въ полную увѣренность.

Въ разныхъ мѣстахъ начались движенія противъ униі. На Волыни противъ униі дѣйствовали князь Острожскій, въ Новогрудкѣ — воевода Ѳеодоръ Скуминъ, въ Вильнѣ — виленское-тройцкое братство. Подъ вліяніемъ этого движенія отдѣлился отъ вожаковъ униі Гедеронъ Болобанъ и, при содѣйствіи князя Острожскаго, примирился съ львовскимъ братствомъ, съ которымъ доселѣ у него шла жестокая борьба, главнымъ образомъ побуждавшая его примкнуть къ униі. Примѣру его послѣдовалъ другой епископъ, согласившійся на унию, Михаилъ Копыстенскій, перемышльскій. Раздались теперь со всѣхъ сторонъ требованія, чтобы скорѣе созвать соборъ и порѣшить окончательно съ недостойными пастырями. Собора желалъ и митрополитъ, завлеченный коварно въ унию и до сихъ поръ дѣйствовавшій крайне неопредѣленно и тѣмъ подорвавшій къ себѣ довѣріе той и другой стороны. На созваніе собора соглашался было и самъ король. Но когда замѣтилъ, что созваніе собора можетъ лишь окончательно испортить дѣло униі, отказался рѣшительно дозволить созваніе собора и осенью (въ концѣ сентября) отправилъ Терлецкаго и Поцѣя въ Римъ. Отъѣздъ Терлецкаго и Поцѣя въ Римъ еще болѣе взволновалъ православныхъ. Съ ихъ стороны самымъ настойчивымъ образомъ раздавались требованія о созваніи собора, а учитель львовскаго братства Стефанъ Зизаній, еще нѣсколько ранѣе того перешедшій въ Вильну и своею пламенною рѣчью возбуждавшій православныхъ къ защитѣ вѣры, теперь выступилъ противъ униі еще смѣлѣе. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ не щадилъ никого, называлъ тогдашнее время временемъ антихриста, папу — антихристомъ, а латинянъ и своихъ владыкъ — его слугами. Въ то же время онъ написалъ объясненіе Никейскаго собора, въ которомъ опровергалъ главенство папы и другія нововведенія римской церкви. Въ то же время король Сигизмундъ своими грамотами митрополиту и всему духовенству, наполненными обѣщаніями всякихъ льготъ, старался привязать къ униі однихъ и успокоить колебанія другихъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ по распоряженію короля, въ королевскихъ замѣнѣяхъ начались и открытыя притѣсненія православныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали залечатывать церкви и отбирать церковную утварь; священникамъ запрещали ходить въ ризахъ со св. Дарами и открыто провожать покойниковъ; по праздникамъ запре-

шали звонить въ колокола; дѣлались нападенія на православныя школы. Православные въ королевскихъ городахъ устранялись отъ должностей, терпѣли стѣсненія въ судахъ, въ ремесленныхъ и цеховыхъ правахъ. Когда же и это не помогло, король склонился наконецъ на созваніе собора. Соборъ дѣйствительно состоялся (25 янв. 1596 г.), но—не многочисленный, стѣсненный королевскими распоряженіями и, по выраженію православныхъ, походившій на „нѣкое смятеніе“. Дѣйствуя по своекорыстнымъ видамъ главныхъ лицъ, присутствовавшихъ на соборѣ, онъ, вмѣсто того, чтобы разсуждать объ опасности, угрожавшей церкви отъ уніи, занимался разсмотрѣніемъ сочиненій Зизанія и отлучилъ его отъ церкви „за неправославное ученіе“, какъ сказано въ соборной грамотѣ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, православные упустили лучший случай поразить унію въ отсутствіи Терлецкаго и Поцѣя.

Между тѣмъ Терлецкій и Поцѣй 15 ноября прибыли въ Римъ, скоро же здѣсь были приняты папою въ частной аудіенціи, по ихъ собственнымъ словамъ, „съ несказанною милостію и ласковостію“ и вручили ему привезенные ими документы касательно уніи¹⁾. 23 декабря состоялась и торжественная аудіенція во дворцѣ папы. Здѣсь, въ присутствіи всего папскаго конклава и многихъ знатнѣйшихъ иностранцевъ, Поцѣемъ и Терлецкимъ на колѣняхъ, предъ Евангеліемъ прочитано было исповѣданіе католической вѣры, съ клятвою слѣдовать ему. Такимъ образомъ Поцѣй и Терлецкій, принимая отъ лица западно-русскихъ іерарховъ и всей будто бы ихъ паствы унію въ Римѣ, совершенно отвергли православія, осудили и отвергли всѣ тѣ пункты ученія, по которымъ доселѣ, какъ православные, отдѣлялись отъ Римской церкви, и приняли Римскую веру со всеми ея ученіями и постановленіями, какъ они изложены не только на флорентійскомъ, но и на тридентскомъ соборѣ. Единственно, что отстаивали они, согласно даннымъ имъ полномочіямъ,—„да по своему греческому обычаю службу и пѣніе въ церквахъ своихъ правятъ и свята по старому календарю“. Въ память этого событія

¹⁾ Это: 1, декретъ или приговоръ западно-русскихъ владыкъ объ уніи отъ 2 декабря 1594 г.; 2, условія уніи отъ 1 іюня 1595 г. и 3, соборное посланіе владыкъ къ папѣ съ изъясненіемъ согласія на унію отъ 12 іюня того же года.

выбита была медаль, на одной сторонѣ которой изображенъ папа Климентъ VIII, а на другой колѣнопреклоненные предъ папой русскіе епископы, съ надписью: Ruthenis receptis.

Введеніе уніи на соборѣ въ Брестѣ.

Съ посланіями отъ папы къ митрополиту и епископамъ русскимъ, къ королю и многимъ литовскимъ и польскимъ сановникамъ въ мартѣ 1596 года Терлецкій и Поцкій возвратились изъ Рима. Православные занесли въ актовыя книги и разослали воеводамъ протесты противъ епископовъ, измѣнившихъ православію. Но король принялъ ихъ подъ свое покровительство, издалъ манифестъ о состоявшемся соединеніи церквей и, чтобы оформить дѣло церковнымъ порядкомъ, приказалъ митрополиту составить соборъ, который и былъ открытъ въ Брестѣ 6 октября того же года. Соборъ этотъ былъ необычайный въ западно-русской церкви—и по важности предмета, о которомъ долженъ былъ разсуждать, и по своему составу и по многочисленности лицъ, на него съѣздившихся. Со стороны православныхъ на соборъ прибыли, кромѣ двухъ епископовъ, оставшихся вѣрными православію,—Гедеона Болобана и Михаила Копыстенскаго со множествомъ духовенства,—два патріаршихъ экзарха: Никифоръ отъ патріарха константинопольскаго и Кириллъ Лукарьскій отъ александрійскаго,—даже—князь К. К. Острожскій съ сыномъ (воеводою волынскимъ) и многочисленною свитою, послы отъ всѣхъ областей и множество людей всякаго чина и званія. Со стороны уніатской партіи, кромѣ митрополита и извѣстныхъ намъ главнѣйшихъ дѣятелей уніи и нѣсколькихъ епископовъ съ незначительнымъ количествомъ духовенства, прибыли: нарочито назначенные для того изъ мѣстныхъ латинскихъ епископовъ—послы папы и послы короля—тоже со свитами. Всѣ, съѣздившіеся на соборъ, немедленно раздѣлились на двѣ половины—православную и уніатскую. Обѣ половины представляли собою грозное ополченіе: шатры и пушки покрывали окрестности Бреста. Перевѣсъ на сторонѣ православныхъ былъ такъ великъ, что привелъ въ ужасъ уніатскую партію, и она обратилась съ тревожными вопросами къ князю Острожскому. Но благородный и благочестивый князь, увѣренный въ правотѣ дѣла православныхъ, далъ слово, что спокойствіе не будетъ нару-

шено. Не давая никакого извѣстія православнымъ, митрополитъ 6 октября открылъ соборъ въ соборной николаевской церкви, подъ предѣлательствомъ львовскаго латинскаго архидіакона Димитрія Соликовскаго. Между тѣмъ православные, съ наступленіемъ 6 октября, не имѣя никакого распоряженія отъ митрополита, не знали, что дѣлать и гдѣ собираться. Желали собраться въ какой либо церкви, но всѣ церкви въ Брестѣ, по распоряженію мѣстнаго епископа Ипатія Поцѣя, для нихъ были заперты. Напрасно ожидали они распоряженій по этому вопросу отъ митрополита, напрасно посылали къ нему особую депутацію и, узнавъ, что митрополитъ уже открылъ свой отдѣльный соборъ, съ одними своими единомышленниками, открыли свой особый православный соборъ въ частномъ домѣ. Православные раздѣлились на двѣ половины—духовную и мірекую и установили порядокъ засѣданій въ обѣихъ половинахъ. Предѣлатель духовной половины собора, экзархъ Никифоръ нѣсколько разъ посылалъ приглашать митрополита Михаила Рагозу на судъ, но отъ него полученъ былъ отвѣтъ, что на соборъ православныхъ онъ не явится. Православный соборъ приступилъ тогда къ сужденію объ уніи и сдѣлалъ ея опроверженіе. Затѣмъ духовный соборъ обратился къ мірекой половинѣ и потребовалъ ея мнѣній. Съѣздъ православныхъ мірянъ прочиталъ посольскія инструкціи отъ всѣхъ областей и представилъ духовному собору, что уніи не желаетъ весь литовско-русскій народъ. Тогда соборъ приступилъ къ окончательному рѣшенію: виновные въ уніи—митрополитъ и епископы—осуждены на лишеніе сана; затѣмъ всѣ члены собора составили протестъ противъ уніи и владыкъ, принявшихъ ее, и отправили къ королю пословъ съ просьбою назначить имъ новыхъ іерарховъ. Уніатскій соборъ, послѣ неудачныхъ попытокъ склонить на свою сторону князя Острожскаго, торжественно провозгласилъ унію, какъ дѣло рѣшенное. Не довольствуясь этимъ, онъ постановилъ лишить сана епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ, не принявшихъ уніи. На слѣдующій день послѣ брестскаго собора (10 октября), митрополитъ Рагоза окружнымъ посланіемъ къ православнымъ духовенству и мірянамъ и объявилъ о состоявшемся единеніи съ Римомъ и укорялъ православную церковь въ расколѣ. Въ отвѣтъ на это экзархъ окружною грамотою (отъ 11 окт.) объявилъ объ отлученіи отъ церкви митрополита и при-

нявшихъ унию епископовъ и прочихъ духовныхъ лицъ, благословлялъ всѣхъ, оставшихся вѣрными православію, священниковъ, невозбранно совершать священнодѣйствія и разрѣшилъ львовскому и перемышльскому епископамъ удовлетворять духовныя нужды прочихъ епархій, епископы коихъ отпали въ унию. Вскорѣ (15 окт.) послѣдовалъ и универсалъ короля. Сигизмундъ, утверждая опредѣленія униатскаго собора и убѣждая православныхъ къ принятію униі, воспрещалъ имъ входить въ общеніе съ низложенными епископами львовскимъ и перемышльскимъ.

Усилія іезуитовъ и польскаго правительства къ распространенію униі.

Насильственно и незначительнымъ меньшинствомъ введенная униа на соборѣ въ Брестѣ, будь предоставлена сама себѣ, безъ сомнѣнія, скоро бы кончила свои дни. Но это было не въ видахъ польскаго правительства, руководимаго іезуитами. Поэтому латинская партія рѣшилась во что бы то ни стало поддерживать ее. Увеличить права и самостоятельность униі, поднять нравственный духъ униатовъ было тоже не въ видахъ этой партіи. Поддерживать ее одною виѣшнею силою было опасно. Отсюда создавалась необходимость удачно слить виѣшнюю силу съ нравственною и еще болѣе удачно направить обѣ эти силы не ко благу униі, а латинства. Эта система выполнялась преслѣдованіемъ сторонниковъ православія и поставленіемъ во главѣ униі энергичныхъ, образованныхъ и даровитыхъ людей, но съ убѣжденіями болѣе или менѣе латинскими, которые, въ свою очередь, дѣйствовали въ пользу униі и путемъ насилія, и путемъ убѣжденія и наконецъ тѣмъ, что выдвинули для того новую силу—Базиліанцъ. Прежде всего правительство постаралось освободиться отъ патріаршаго экзарха Никифора, который своимъ вліяніемъ сильно вредилъ дѣлу униі. Еще во время брестскаго собора враги разглашали про него, что онъ не имѣетъ никакихъ полномочій отъ патріарха, а просто самозванецъ и шпіонъ отъ турецкаго султана. Его потребовали на судъ и, не смотря на представленныя имъ доказательства своей невинности, заключили въ крѣпость Маріенбургъ, гдѣ онъ и умеръ, какъ предполагаютъ, отъ голода. Такая же судьба провила и другому патріаршему экзарху—

Кирилду Лукарису, но онъ спасся бѣгствомъ. Съ православными епископами, какъ мы уже видѣли, запрещено было входить въ общеніе, православныя братства были объявлены мятежными сходками, даже князь Острожскій былъ стѣсненъ начетомъ на него недоимокъ по сборамъ. Протесты и жалобы православныхъ оставались безъ вниманія или рѣшались въ пользу уніатовъ. Выгодныя же постановленія сеймовъ для православныхъ не получали практическаго примѣненія. Низшія духовныя лица лишались сана и отлучались отъ церкви. Ихъ церкви запечатывали, а прихожанъ оставляли безъ священниковъ и церковной службы. Лучшіе приходы отдавались уніатамъ. Уніаты овладѣли даже въ Кіевѣ Софійскимъ соборомъ. Печерскій монастырь едва отстоялъ свою самостоятельность. Особенную энергію въ дѣлѣ распространенія уніи проявилъ Ипатій Поцѣй, возведенный на митрополичью уніатскую кафедру, послѣ смерти Михаѣла Рагозы (1599 г.). Въ теченіе 14-лѣтняго служенія своего въ санѣ митрополита онъ велъ за унію непрерывную борьбу съ многочисленными ея противниками и приготовилъ себѣ новыхъ помощниковъ и сотрудниковъ, которые съ такою же энергіею преслѣдовали интересы уніи. Такъ какъ унія въ Литовско-Польскомъ государствѣ получила признаніе государственной власти, то Поцѣй, какъ уніатскій митрополитъ, чувствовалъ себя законнымъ и полноправнымъ начальникомъ западно-русской церкви, а не хотѣвшихъ признавать его власти и противящихся ему православныхъ считалъ лишь непослушными сынами уніатской церкви и послушниками королевской воли. И если православные ссылались на стародавнія права, дарованныя православной церкви въ разныя времена прежними государями, то Поцѣй объяснялъ и доказывалъ, будто бы эти права были даны западно-русской церкви за принятіе или подъ условіемъ принятія ею уніи, непрерывно будто бы существовавшей въ Польско-Литовскомъ государствѣ съ давняго времени, и слѣдовательно относятся къ уніатской церкви, а не къ православной, не имѣющей никакихъ правъ на свое существованіе. Выходя изъ такихъ понятій, Поцѣй не стѣснялся никакими насильственными мѣрами. Православныхъ священниковъ онъ заключалъ въ тюрьмы и подвергалъ разнымъ истязаніямъ, а наиболѣе упорныхъ выставялъ въ глазахъ правительства, какъ бунтовщиковъ, заслуживающихъ суровыхъ наказаній. Съ особеннымъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ онъ

ненавистныя ему православныя братства: силою отбирали у нихъ церкви и школы, разгоняли священниковъ и учителей, предавали братчиковъ торжественно анафемѣ, возбуждали короля уничтожать выданныя раньше братствамъ грамоты и привиллеги и т. д. Особенно сильнымъ притѣсненіемъ подверглись отъ него православныя Вильны. Братскій виленскій монастырь со всѣми церквами и имуществомъ перешелъ въ руки униатовъ, и въ немъ образовалось униатское братство. Православныя Вильны лишились всѣхъ своихъ церквей, за исключеніемъ одной свято-духовской, при которой устроилось теперь православное братство. Среди общаго за то раздраженія одинъ панскій гайдукъ въ Вильнѣ покусился даже на жизнь Поцѣя, но успѣлъ только отрубить ему два пальца (1609 г.), но это еще болѣе усилило преслѣдованія православныхъ. Кромѣ преслѣдованій Поцѣй старался дѣйствовать и путемъ убѣжденія. Онъ открылъ нѣсколько униатскихъ школъ, — въ большинствѣ преобразованныхъ изъ отнятыхъ у православныхъ; а также писалъ и издавалъ сочиненія въ защиту униі и противъ православія. Въ Вильнѣ онъ издалъ сочиненіе „Гармонія“, въ которомъ восхвалялъ все, что содержитъ римская церковь и порицалъ православіе. Затѣмъ издалъ 12 положеній, въ которыхъ излагалось все догматическое ученіе римской церкви и ясно проводилась мысль, что римская церковь мать и учительница всѣхъ церквей и что безъ нея никто не можетъ спастись. Такимъ образомъ Поцѣй подготовлялъ преобразование униі въ чистое латинство. Главнымъ сотрудникомъ ему въ этомъ былъ іезуитскій воспитанникъ, совершенный католикъ по убѣжденіямъ, намѣстникъ, а потомъ (съ 1613 г.) и преемникъ его по кафедрѣ митрополита, архимандритъ виленскаго троицкаго монастыря (послѣ отнятія его у православныхъ униатами), Іосифъ Вельяминъ Рутскій. Послѣдній, находя, что бѣлое духовенство (униатское), близкое къ народу и приверженное, хотя и къ слабымъ останкамъ, но православнаго элемента въ униі, не годится для цѣлей латинства, принялся за преобразование униатскаго монашества по образцу латинскихъ монашескихъ орденовъ, особенно іезуитскаго, и образовалъ орденъ Базиліанъ. Сущность этого преобразования состояла въ слѣдующемъ. Все униатское монашество освобождалось изъ подъ власти епархіальныхъ архіереевъ и составляло общину, подчиненную власти одного лица, которое называлось то протоархимандритомъ, то генераломъ, и ко-ч

торое было избираемо самою общиною. Власть его была обширна. Ему принадлежало назначеніе должностныхъ лицъ ордена, важнѣйшихъ должностныхъ лицъ въ монастыряхъ и наблюденіе надъ монастырями. Въ Римѣ жилъ прокураторъ, какъ представитель ордена предъ папскимъ престоломъ, для сношеній съ папою по дѣламъ ордена. Все монастыри, входящіе въ составъ ордена, во внутренней своей жизни должны слѣдовать общежительному уставу св. Василія Великаго, котораго орденъ избралъ своимъ покровителемъ и по имени котораго получилъ свое наименованіе. Главная цѣль, къ которой должна быть направлена дѣятельность ордена,—распространеніе уніи и сближеніе ея съ латинствомъ. Для достиженія этой цѣли орденъ долженъ заботиться объ умноженіи числа своихъ членовъ и о распространеніи своего вліянія на общество посредствомъ замѣщенія своими членами всѣхъ высшихъ церковно-іерархическихъ мѣстъ и должностей, а главное—посредствомъ общественнаго воспитанія, которое должно сосредоточиться въ рукахъ ордена. Для большаго успѣха въ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ орденъ долженъ избрать себѣ въ помощники и руководители іезуитовъ и всегда дѣйствовать въ союзѣ съ ними.

Такъ организованный, орденъ много сдѣлалъ для осуществленія завѣтныхъ цѣлей руководителей уніи. Быстро разрастаясь въ количественномъ отношеніи и также быстро окатоличенный іезуитами, онъ, скоро же сдѣлавшись разсадникомъ высшей іерархіи въ уніатской церкви, и, забравъ въ свои руки завѣдываніе всеми школами, въ которыхъ обучалась свѣтское юношество, сталъ усиленнымъ образомъ распространять унію и сближать уніатскую церковь съ латинствомъ.

Противодѣйствіе уніи со стороны православныхъ и мѣры въ защиту православія.

Еще на соборѣ въ Брестѣ, какъ мы уже видѣли, православные, во главѣ съ своимъ духовенствомъ, отнеслись къ уніи весьма враждебно. Кромѣ того, они дали торжественный обѣтъ за себя и за своихъ потомковъ не только не принимать уніи, но и—противодѣйствовать ей. Противодѣйствіе это прежде всего выразилось со стороны православнаго аристократическаго класса, сильно возбуж-

деннаго противъ униі, которая фактически отнимала у нихъ право патронатства надъ церквами и монастырями и тѣмъ оскорбляла и ихъ религіозное чувство и ихъ честь. Аристократы выступили съ протестами, жалобами и просьбами, которые многократно раздавались съ ихъ стороны на судахъ, сеймахъ, сеймикахъ и предъ трономъ короля. Но все это, къ сожалѣнію, или оставлялось безъ всякаго вниманія, или, если и общалось удовлетвореніе, то только на бумагѣ. Не видя нигдѣ справедливости и не получая помощи отъ католическаго правительства, они рѣшились соединиться съ протестантами, тоже страдавшими отъ католиковъ, чтобы общими силами защищать свободу вѣры. Въ 1599 г. православные и протестантскіе паны составили въ Вильнѣ съѣздъ, на которомъ тѣ и другіе обязывались общими усиліями защищать оба вѣроисповѣданія всеми зависящими отъ нихъ средствами. Для бѣльшаго успѣха и удобства въ этомъ дѣлѣ выбраны были (119) провизоры или блюстители, къ которымъ могли бы обращаться все гонимые и которые въ своемъ кругу принимали бы всехъ ихъ подъ свою защиту. Но эта униа политическая, общавшая много пользы для притѣсняемыхъ, скоро же распалась, такъ какъ къ ней захотѣли присоединить и унию религіозную, а это послѣднее охладило въ отношеніи задуманнаго дѣла тѣхъ и другихъ и послужило только основаніемъ для укора православныхъ за связь съ еретиками. Испытавъ неудачу, аристократія больше уже коллективно и не выступала на борьбу за святое дѣло: она скоро въ большинствѣ перешла въ латинство.

Простой народъ на насильственное привлеченіе къ униі во многихъ случаяхъ отвѣчалъ насильственной расправою со своими притѣснителями. Такъ, кромѣ извѣстнаго уже покушенія на жизнь Поцѣя въ Вильнѣ, Рутскому нанесены были побои въ Львовѣ; подобныхъ случаевъ было нѣсколько, хотя они и не достигали цѣли: не облегчали положенія православныхъ.

Базакі поднимали бунты, фанатизму латинянь и униатовъ противопоставляли силу своего оружія и, какъ увидимъ далѣе, успѣли оказать бѣдствующей церкви не маловажную услугу.

Но кромѣ этихъ, юридическихъ и чисто внѣшнихъ, мѣръ со стороны православныхъ въ защиту православія предпринимались и мѣры духовныя. Эти мѣры предпринимались и отдѣльными личностями и особенно братствами, состоявшими по преимуществу изъ

городскаго мѣщанскаго сословія, принявшаго на себя по вопросу защиты православной вѣры прежніе труды аристократіи. См. о немъ въ „Историческомъ вѣстникѣ“ 1861 г. № 1. Въ слѣдующемъ же году послѣ Брестскаго собора, появилось со стороны православныхъ сочиненіе, — сначала на польскомъ языкѣ, а затѣмъ и на русскомъ, подъ заглавіемъ: „Апокрисисъ, альбо отвѣдь на книжки о соборѣ берестейскомъ“. Сочиненіе это было отвѣтомъ на сочиненіе Скарги — „Соборъ брестскій и его оборона“, гдѣ авторъ, изложивъ въ первой части своего сочиненія исторію уніатскаго брестскаго собора, во второй части старается защитить этотъ соборъ отъ возраженій православныхъ и проводить въ дальнѣйшемъ главныя положенія своего прежняго сочиненія: „О единствѣ церкви“. Въ „Апокрисисѣ“, вопреки Скаргѣ, доказывается незаконность уніатскаго и законность православнаго собора и его дѣйствій и, на основаніи Священнаго Писанія и исторіи, опровергается римское ученіе о единовластіи папы. Авторъ этого сочиненія, назвавшій себя Христофоромъ Филалетомъ, былъ нѣкто Христофоръ Бронскій, ученый протестантъ, написавшій свою книгу, какъ предполагаютъ, по просьбѣ князя Острожскаго. Какъ вышедшее изъ подъ пера протестанта, сочиненіе это по мѣстамъ не свободно отъ протестантскихъ мнѣній (напр. относительно таинства евхаристіи и неумѣреннаго участія мірянъ въ дѣлахъ вѣры), но вмѣстѣ съ тѣмъ по своей учености и доказательности представляетъ собою замѣчательнѣйшій памятникъ въ историко-полемической литературѣ того времени. Не напрасно поэтому оно сильно встревожило и уніатовъ и католиковъ, такъ что въ 1599 году со стороны уніатовъ послѣдовало на него возраженіе въ видѣ сочиненія „Антиррисисъ“, написаннаго, по порученію Поцѣя, грекомъ Петромъ Аркудіемъ. Не будучи въ состояніи разбить существенныя положенія Апокрисиса, Аркудій останавливается на частностихъ и укоряетъ автора Апокрисиса въ протестанствѣ, лжи и клеветѣ. Православный львовскій священникъ, изъ опасенія за свою жизнь скрывшій свое имя, бывшій на брестскомъ соборѣ, написалъ (въ 1605 г.) „Перестрогу“ — предостереженіе, гдѣ изъяснилъ причины возникшей въ западно-русской церкви уніи, описалъ, какъ она вводилась и какими насильственными мѣрами сопровождалась. Сильныя обличенія уніи и католицизма раздалось съ востока въ посланіяхъ александрійскаго патріарха Мелетія Шигага, бывшаго въ то же время (съ 1597 г.) и мѣстоблюстителемъ

константинопольскаго патріаршаго престола, — п'аеонскихъ иноковъ. Западно-русскіе иноки, подвизавшіеся въ аеонскихъ монастыряхъ, узнавъ о появленіи уніи на ихъ родинѣ, составили общее посланіе къ своимъ соотечественникамъ и братьямъ по вѣрѣ и убѣждали ихъ стоять непоколебимыми въ православной вѣрѣ. Для большаго распространенія это посланіе, по приказанію князя Острожскаго, было напечатано съ присоединеніемъ сюда нѣкоторыхъ другихъ статей „на пользу и утверженіе православнымъ христіанамъ“. Кромѣ того, одинъ изъ западно-русскихъ иноковъ, подвизавшійся тогда на Афонѣ въ затворѣ, Іоаннъ Вишенскій прислалъ на свою родину четыре посланія: 1) къ митрополиту Рагозѣ и прочимъ епископамъ, принявшимъ унію, гдѣ, обличая ихъ за уклоненіе въ унію, обращался къ нимъ съ своими просьбами и убѣжденіями, чтобы они покаялись и возвратились въ православіе; 2) къ князю Острожскому и всѣмъ православнымъ западно-русскаго края; 3) ко всѣмъ обителямъ литовско-польскаго государства; въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ, убѣждая православныхъ твердо стоять въ своей вѣрѣ, онъ рѣзко указываетъ недостатки уніатской церкви и доходитъ до проклятій духовнымъ лицамъ, которые преслѣдуютъ только матеріальныя выгоды; наконецъ 4) „Извѣщеніе краткое о латинскихъ прелестехъ, обращенное къ латинянамъ и православнымъ, гдѣ опровергаетъ латинское ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о старѣйшинствѣ римской кафедры, о главенствѣ папы и о чистилищѣ.“

Эти отдѣльныя личности, въ качествѣ борцовъ за православіе, безъ сомнѣнія, приносили не малую пользу православной западно-русской церкви, но еще большее значеніе въ этомъ отношеніи имѣли братскія школы и вышедшіе изъ этихъ школъ защитники православія. Братства, возникшія еще задолго до провозглашенія брестской уніи, какъ мы уже видѣли, по почину львовскаго братства, съ 80-хъ годовъ XVI столѣтія, соответственно нуждамъ западно-русской церкви, стали преобразовываться. Теперь, послѣ провозглашенія уніи, въ виду угрожающей опасности для православія, они еще болѣе расширили свою дѣятельность. Прежде всего они увеличились количественно. Кромѣ уже извѣстныхъ намъ братствъ возникли теперь новыя братства, какъ то — премышльское, слудское, мѣнское, могилевское¹⁾ и мн. др. Затѣмъ, при братствахъ теперь

¹⁾ Могилевское братство образовалось собственно съ 1588—1589 гг., когда

больше, чѣмъ ранѣе, стали устрояться типографіи, въ которыхъ печатались богослужебныя, учительныя книги и полемическія сочиненія противъ уніи и латинства, и—особенно школы. Эти-то школы и явились сильнымъ орудіемъ въ рукахъ православныхъ для борьбы съ уніею и латинствомъ. Обучение въ нихъ велось въ строго православномъ духѣ; для этой цѣли отъ учителей прежде всего требовалось, чтобы они были строго православными. Предметами обученія были реторика, діалектика, языки: греческій, славянскій и русскій. Съ особенною любовію изучался языкъ славянскій; въ этомъ сказывался не только патріотизмъ, но и стремленіе оградить порчу священно-богослужебныхъ книгъ отъ происковъ латинской партіи. Но всѣ эти науки были только притовительными науками къ изученію наукъ богословскихъ, такъ какъ главною задачею братскихъ школъ было отстоять и поддержать православіе. Особенное вниманіе обращено было на изученіе Священнаго Писанія и твореній Отцевъ церкви; кромѣ того, ученики знакомились съ произведеніями греческихъ философовъ, поэтовъ и историковъ. Руководителями въ обученіи нерѣдко были греки, какъ напр. въ львовской—митрополитъ элассонскій Арсеній, въ острожской—Кирилль Лука-

оно получило благословеніе и грамоту отъ константинопольскаго патріарха Іереміи II; но это было братство, такъ называемое „медовое“, кушнерское. Въ 1597 году члены этого братства представили на утвержденіе короля Сигизмунда III свой новый уставъ, составленный по образцу устава львовскаго братства, утвержденнаго патріархомъ Іоакимомъ въ 1586 году; по которому братство группируется около Спасской церкви и беретъ на себя, кромѣ заботы о бѣдныхъ и убогихъ,—содержаніе школы съ коллегіей ученыхъ и проповѣдниковъ и съ безплатнымъ обученіемъ бѣдныхъ и дѣтей братчиковъ. Король, уступая настоячивости православныхъ, согласился утвердить этотъ уставъ, но поставилъ требованія: 1) „подъ послушенство владыки Полоцкаго“ (уніата) по дѣламъ церковнаго характера и 2) подъ власть магистрата по дѣламъ свѣтскимъ. Последнее не было опасно въ Могилевѣ, такъ какъ магистратъ здѣсь въ то время состоялъ почти исключительно изъ православныхъ, но первое втягивало братчиковъ въ борьбу съ полоцкими епископами-уніатами. По жалобѣ королю (въ 1601 г.), втораго, послѣ провозглашенія уніи, полоцкаго епископа Гедеона Брѣвницкаго, потерпѣвшаго, какъ и его предшественникъ (Германъ Загорскій), неудачу въ стремленіи подчинить себѣ могилевское братство, Спасская церковь и монастырь были отняты отъ православныхъ. Братство сгруппировалось теперь при другой православной церкви—Входа Господня въ Іерусалимъ и получило на то утвержденіе короля (въ 1602 г.). Съ 1605 года по 1618 годъ мы видимъ Спасскій монастырь опять въ рукахъ православныхъ; сюда же возвращается и братство. Но съ этого года образуется новый центръ для братства, о чемъ будетъ сказано ниже.

ришь, совмѣщавшіе въ себѣ все богатство просвѣщенія восточнаго и западнаго и обладавшіе обширною педагогическою опытностію.

Дисциплинарная сторона въ братскихъ школахъ основана была на такихъ строгихъ началахъ, что воспитанникъ ихъ, выработавъ подъ вліяніемъ этихъ началъ свой характеръ, не страшился трудовъ и искушеній, ожидавшихъ его въ жизни. При видимой строгости своихъ началъ, братская педагогія въ тоже время была проникнута и духомъ простоты семейной. Замѣчательно здѣсь и то, что въ то время, какъ сосѣдняя педагогія іезуитскихъ школъ какъ-бы намѣренно задавалась цѣлю поврать всякую связь школы съ обществомъ, нисколько не заботясь о развитіи въ своихъ воспитанникахъ національныхъ родныхъ чувствъ, считая всеобщею для всего чело- вѣчества родиною Римъ съ его завѣтными преданіями, — братская педагогія установила тѣсную связь школы съ жизнью и обществомъ. Школы братскія являются чисто народными школами, въ которыхъ всякое учрежденіе было роднымъ и понятнымъ для цѣлаго общества и отвѣчало насущнымъ его потребностямъ. Вслѣдствіе всего этого воспитанники братскихъ школъ не выходили изъ нихъ съ блестящимъ образованіемъ, но за то пріобрѣтали въ своихъ школахъ горячую любовь къ православнои вѣрѣ и своей родинѣ и являлись защитниками и дѣятелями въ пользу православія. Изъ такихъ защитниковъ православія особенно извѣстны:

Воспитанники *острожскихъ* школъ: 1, *Леонтій Карповичъ*. Будучи еще свѣтскимъ челоѣкомъ, онъ ревностно дѣйствовалъ въ пользу церкви и перенесъ тяжкія испытанія, страдалъ въ темницѣ и въ оковахъ по подозрѣнію въ томъ, что подъ его корректурой печатались въ типографіи виленскаго монастыря сочиненія противъ правительства. Около 1614 г. онъ былъ посвященъ въ духовный санъ и избранъ въ настоятели виленскаго братскаго монастыря. Здѣсь онъ пріобрѣлъ большую извѣстность своими краснорѣчивыми и энергическими проповѣдями, слушать которыя приходили даже иноѣрцы.

2) *Мелетій Смотрицкій*, обучавшійся кромѣ того въ виленской іезуитской коллегіи и въ протестантскихъ университетахъ. По возвращеніи на родину, онъ выступилъ ревностнымъ борцомъ противъ уніи и латинства. Въ 1610 г. онъ издалъ сочиненіе „Ориносъ“; — „Плачь вселенской апостольской церкви“, съ изложе- ніемъ догматовъ вѣры, въ которомъ, описывая обѣдственное состоя-

ніе западно-русской церкви, онъ обвинялъ въ ономъ отступившихъ отъ православія уніатскихъ епископовъ и увѣщевалъ ихъ возвратиться въ лоно православной церкви. Православные приняли это сочиненіе съ восторгомъ, а паписты вооружились противъ него всіми тонкостями діалектики, укоряя его въ лютеранствѣ и кальвинизмѣ. Не надѣясь на силу ученой полемики, уніаты обвиняли его даже въ государственной измѣнѣ, вельдетвіе чего покупка и продажа „Плача“ правительствомъ, подъ угрозою страшной денежной пени, была воспрещена. Къ сожалѣнію, Мелетій не устоялъ въ православіи. Будучи уже полоцкимъ епископомъ, подъ давленіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, онъ перешелъ въ унію, началъ писать въ пользу ея сочиненія и умеръ уніатомъ (въ 1633 г.).

Воспитанники львовскихъ школъ: 1) *Лаврентій Зизаній*, бывшій и учителемъ львовской школы, а потомъ протоіереемъ на Волыни. Онъ написалъ славянскую грамматику, изданную въ Вильнѣ въ (1596 г.) и „Большой катихизисъ“, подвергавшійся (съ 1627 г.) строгому пересмотру въ Москвѣ и здѣсь же напечатанный. 2) *Кириллъ Транквилионъ*, также бывшій учителемъ братской школы, проповѣдникомъ и наконецъ архимандритомъ въ Черниговѣ (1626 г.). Онъ написалъ: а) „Зерцало богословія“ — первый опытъ схоластическаго богословія, какъ науки, на славянскомъ языкѣ, б) „Учительное Евангеліе“, или сборникъ проповѣдей на воскресные и праздничные дни и на дни великихъ святыхъ и в) „Перло многоцѣнное“, состоящее наполовину изъ стихотвореній — въ похвалу Св. Троицы, Богородицы, ангеловъ и святыхъ²⁾. Къ сожалѣнію, въ первыхъ двухъ сочиненіяхъ его допущены погрѣшности въ латинскомъ духѣ. Православные потребовали отъ него исправленій этихъ погрѣшностей, но онъ отказался и перешелъ въ унію, хотя послѣ этого и не выступалъ противъ православной церкви. Скончался Кириллъ въ 1646 году.

3) *Захарія Копыстенскій*, печерскій архимандритъ, потомъ владимірскій епископъ. Кромѣ многихъ переводовъ по святоотеческой литературѣ, онъ оставилъ обширный полемическій трактатъ подъ заглавіемъ „Палинодія“ или „книга обороны ваолической, святой, апостольской, веходней церкви“. Здѣсь разбираются латин-

(1) и 2) То и другое сочиненіе было издано въ Могилевѣ: первое — въ 1619 г., второе — въ 1699 г.

скія мѣнья объ ап. Петрѣ, какъ намѣстникѣ Христа и главѣ церкви, и папѣ, какъ преемникѣ ап. Петра; опровергается клевета латинянь, что русскіе приняли крещеніе отъ грековъ въ ту пору, когда они находились въ уніи съ Римомъ, и что русскіе митрополиты, за немногими исключеніями, были уніаты и, наконецъ, доказывается незаконность уніи.

Кромѣ этихъ писателей—полемистовъ, изъ братскихъ школъ вышли и многіе іерархи западно-русской церкви, даже митрополиты, какъ напр. Іовъ Борецкій, Исаія Копиенскій и др.

Возстановленіе западно-русской православной іерархіи патріархомъ Теофаномъ.

Всѣ вышеуказанныя мѣры для противодѣйствія уніи и вмѣстѣ въ защиту православія лишь поддерживали духъ православныхъ, но не измѣняли ихъ положенія. Православная западно-русская церковь со стороны латинской и уніатской партій подвергалась все большимъ и большимъ гоненіямъ, напомиавшимъ собою гоненія языческихъ римскихъ императоровъ на христіанъ въ первые вѣка христіанства. Прежде всего эти гоненія произвели значительное опустошеніе въ ея священноначаліи. Съ совращеніемъ большинства западно-русскихъ іерарховъ въ унію, на сторонѣ православія остались только два епископа: львовскій Гedeонъ Болобанъ и перемышльскій Михайлъ Копыстенскій. Они, не обращая вниманія на декретъ короля, рукополагали священниковъ не только въ свои епархіи, но и въ сосѣднія. Въ этомъ отношеніи особенною ревностію отличался Гedeонъ Болобанъ. Возведенный въ званіе экзарха константинопольскаго патріарха, онъ въ теченіе десяти лѣтъ замѣнялъ для православныхъ митрополита. Вѣдѣнію его подлежала вся нынѣшняя сѣверо-западная Россія, куда онъ рукополагалъ священниковъ и посылалъ пастырскія грамоты подвизавшимся за православіе¹⁾. Съ другой стороны, извѣстный ревнитель православія князь Острожскій давалъ у себя пріютъ православнымъ иноземнымъ епископамъ, гре-

¹⁾ Одна изъ такихъ грамотъ сохранилась до настоящаго времени. Грамота эта написана была въ 1605 году къ могилевскому братству, гдѣ Гedeонъ Болобанъ, похваляя стойкость могилевцевъ въ православіи, проситъ ихъ оставаться такими же и на будущее время.

чскимъ, болгарскимъ, которые также освящали церкви и рукополагали священниковъ. Но въ 1607 году Геденъ Болобанъ скончался, въ слѣдующемъ году скончался князь Острожскій, а въ 1612 году скончался и Михаилъ Копыстенскій; каедрю же послѣдняго завладѣли уніаты. У православныхъ для всей юго-западной Россіи остался только одинъ епископъ, преемникъ Гедена, Іеремія Тиссаровскій, да и тотъ получилъ львовскую каедру только потому, что согласился принять унію, но скоро же отказался отъ своего обязательства, какъ вынужденнаго. Одинъ епископъ, разумѣется, не могъ удовлетворять всѣмъ нуждамъ западно-русской церкви. Открывался опасный недостатокъ въ духовенствѣ, заставлявшій православныхъ по-неволѣ за требоисправленіями обращаться къ уніатскому духовенству, а это, въ свою очередь, обезпечивало для уніи полные успѣхи. Но въ это-то, тяжелое для православныхъ, время, кромѣ уже извѣстныхъ намъ борцовъ за православіе, — на защиту послѣдняго выступило еще одно сословіе — казаки, представлявшіе изъ себя ту военную силу, которой лишены были другія сословія и безъ которой нравственная сила братства, среди преслѣдованія, могла ослабѣть и погибнуть въ неравной борьбѣ съ противниками.

Весною 1620 года, въ половинѣ великаго поста, прибылъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ, возвращавшійся изъ Москвы послѣ посвященія московскаго патріарха Филарета и имѣвшій порученіе отъ константинопольскаго патріарха посѣтить его южно-русскую паству. Казаки, руководимые своимъ гетманомъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы доказать свою преданность православію. Они встрѣтили патріарха; взяли его подъ свою охрану и вмѣстѣ съ другими православными обратились къ нему съ просьбою о посвященіи епископовъ на православныя каедры, занятыя уніатами. Патріархъ сначала было отказалъ въ этомъ, опасаясь короля; но когда его успокоили, что, при охранѣ казацкаго войска, гнѣвъ короля будетъ для него безопасенъ, онъ, хотя и съ большими предосторожностями, исполнилъ желаніе православныхъ: на митрополичью каедру посвятилъ Іова Борецкаго, посвятилъ епископовъ и на всѣ западно-русскія каедры, исключая львовской, на которой уже былъ православный епископъ, Іеремія Тиссаровскій.

Видимому православная церковь въ Литвѣ была обезпечена въ своемъ существованіи. Вновь поставленные епископы были по образованію лучшіе люди, какіе только могли тогда находиться въ южной Руси. Охрану ихъ и возстановленной церкви приняли на себя казаки. Мелетій Смотрицкій, возвратившись изъ Кіева въ Вильну въ санѣ полоцкаго архіепископа, поселился въ Святодуховскомъ монастырѣ, въ качествѣ его настоятеля, и отсюда сталъ писать горячія посланія въ обличеніе униатовъ и защиту православія, которыя быстро распространялись по всей Литвѣ и сильно волновали умы. Но съ другой стороны это возстановленіе православной іерархіи, какъ совершенно противное интересамъ латинской партіи, вызвало у послѣдней сильныя взрывы негодованія. Какъ только выѣхалъ изъ Литвы (въ январѣ 1621 г.) патріархъ Теофанъ, она пустила въ ходъ самыя черныя извѣстія о его личности и его дѣлахъ; стала доказывать гласно, что Теофанъ вовсе не патріархъ іерусалимскій, а простой человекъ—мірянинъ, слѣдовательно, все поставленныя имъ—самозванные іерархи и священники. Мало того, стали доказывать, что Теофанъ шпионъ турецкаго султана, что онъ склонялъ казаковъ то на сторону Турціи, то на сторону Москвы, и что посвященные имъ іерархи—его орудія, которые и теперь продолжаютъ его дѣла; что во всякомъ случаѣ заслуживаютъ они преслѣдованія, какъ люди, прѣшвыщавшіеся принять посвященіе на каѳедры, занятыя живыми епископами (униатскими), безъ дозволенія королевскаго. Іезуиты такъ настроили Сигизмунда, что онъ въ 1621 году (22 марта) издалъ универсалъ, по которому Іовъ Борецкій, Мелетій Смотрицкій, равно какъ и другіе, поставленные Теофаномъ, епископы объявлены незаконными, измѣнниками и бунтовщиками; вмѣстѣ съ тѣмъ всемъ вѣрнымъ подданнымъ королевства предписывалось разубивать, гдѣ находятся эти подозрительные люди, ловить ихъ и покровительствующихъ имъ гражданъ и заключать въ тюрьмы. Вслѣдствіе этого на православныхъ было воздвигнуто настоящее гоненіе. Многіе граждане Вильны были посажены въ тюрьму, православныя епископы жили вдали отъ своихъ каѳедръ. Въ одномъ Кіевѣ, какъ охраняемомъ казаками, митрополитъ еще могъ оставаться на своей каѳедрѣ. Между тѣмъ положеніе самой Польши было таково, что, готовясь къ войнѣ съ турками, она нуждалась въ помощи казаковъ; при томъ Виленское братство документально доказало, что

Феофанъ дѣйствительно патриархъ іерусалимскій; на варшавскомъ сеймѣ въ 1623 году православные депутаты съ особенною настойчивостію просили короля объ утвержденіи православной іерархіи, — все это подавало надежды на улучшеніе положенія православной западно-русской церкви, что было даже и обѣщано, но еще не кончился этотъ варшавскій сеймъ, какъ случилось новое событіе, круто повернувшее обстоятельства въ самую худшую сторону для православныхъ. Это было убіеніе православными полоцкаго униатскаго епископа Іосафата Кунцевича. Іосафатъ Кунцевичъ былъ преемникомъ (съ 1618 г.) по полоцкой униатской кафедрѣ Гедеона Брѣвницкаго. Съ самаго вступленія своего въ управленіе Полоцкою епархіею онъ, въ интересахъ насажденія униі, началъ фанатически преслѣдовать православныхъ, не оставаясь ни передъ какими средствами. Онъ отнималъ у православныхъ церкви и монастыри, непокорливыхъ ему священниковъ выгонялъ изъ приходоу, заковывалъ въ желѣзо, заключалъ въ тюрьмы, или совсѣмъ выгонялъ изъ епархіи, а міряныя предавалъ судебнымъ процессамъ и преслѣдованіямъ¹⁾. Православные обращались

¹⁾ Въ первый же годъ своего управленія полоцкою епархіею онъ задумалъ осенью посѣтить Могилевъ, какъ входившій въ составъ полоцкой епархіи. Путь его обозначился большими насиліями въ Оршѣ. Могилевцы лишь только узнали, что Кунцевичъ изъ Орши приближается къ ихъ городу, — это было 9 октября — ударили въ вѣчевой колоколъ на ратушѣ, подняли тревогу, заперли городскія ворота, а на валахъ, вокругъ города, разставили народъ съ оружіемъ. Члены магистрата, бургомистръ, райцы, лавники и всѣ мѣшане, съ разнымъ оружіемъ и деховыми хоругвами, вышли изъ города на встрѣчу Іосафату и начали кричать, что не примутъ его, поносили и проклинали, какъ вѣроотступника, и угрожали убить его, если онъ не удалится отъ Могилева. Кунцевичъ удался, но это дорого обошлось Могилевцамъ. По жалобѣ Кунцевича король издалъ декретъ, по которому: а) всѣ главные виновники и зачинщики могилевскаго возмущенія осуждались на смертную казнь, а б) всѣ церкви и монастыри въ Могилевѣ и духовенство отданы подъ управленіе Кунцевича, — съ тѣмъ, чтобы по истеченіи шести недѣль со времени изданія декрета Могилевскіе граждане уже никакъ не вступались въ эти церкви и монастыри, подъ страхомъ уплаты 20,000 злотыхъ польскихъ въ королевскую казну. Последнее, очевидно, было одною изъ мѣръ для насажденія униі, но — неудачною. Православные жители Могилева не приняли униі, церкви ихъ были отобраны и запечатаны, кромѣ одной Спасской, гдѣ богослуженіе отправляли базилиане; православные стали собираться для общественной молитвы въ построенные за городомъ шалаши, но и здѣсь ихъ преслѣдовали. Лишившись своихъ храмовъ, а главное Спасской церкви, при которой группировалось православное братство, могилевцы теперь рѣшили основать новый центръ для православія, а для этого задумали устроить новый монастырь. Приобрѣтены

къ нему съ просьбами, предлагали за свободу вѣры большія деньги¹⁾, были случаи покушенія на его жизнь²⁾: ничего не помогало. Самы католики удивлялись его фанатизму и даже порицали, какъ напр. литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, образъ его дѣйствій, но Кунцевичъ ни на что не обращалъ вниманія и стремился вынудить у православныхъ себѣ вѣнецъ мнимаго мученичества. Дѣйствительно истощенное терпѣніе православныхъ выразилось въ страшной расправѣ. Въ Витебскѣ, гдѣ онъ при помощи военной силы, сталъ отнимать у православныхъ храмы, горожане возмутились, вторглись въ архіерейскій домъ, убили его (12 ноября 1623 г.) и, послѣ издѣвательствъ надъ его трупомъ, бросили его въ Двину. Вѣсть объ этомъ фактѣ разнеслась съ необычайною быстротою и не только разрушила возникшія было надежды у православныхъ на лучшее будущее, но и послужила сигналомъ къ усиленнымъ ихъ преслѣдованіямъ. Прежде всего пострадали, конечно, жители города Витебска. 19-ти лицамъ отрублены были головы, около ста гражданъ, разбѣжавшихся въ разныя стороны еще до прибытія судной комиссіи, заочно были осуждены на смерть, имѣнія тѣхъ и другихъ были конфискованы, у города отнято магдебургское право. Въ Витебскѣ, Могилевѣ, Оршѣ, Полоцкѣ и Мстиславлѣ запрещено было строить и починять православныя церкви и вся Бѣлоруссія въ церковномъ отношеніи подчинена была полоцкому униатскому архіепископу, или, что тоже, — униа была объявлена существующею по всей Бѣлоруссіи повсемѣстно. Папа Урбанъ VIII, узнавъ объ этомъ, не только одобрилъ всѣ эти мѣры, но и призывалъ всѣхъ къ мнѣнію за смерть Кунцевича, котораго призналъ святымъ мученикомъ. А такъ какъ убійство Кунцевича тѣсно связывалось съ восстановле-

блѣмъ для этого плацъ, который, благодаря услугамъ кн. Огинскаго, былъ объявленъ (въ 1619 г.) „подъ шляхетскою вольностію находящимся“ и тѣмъ застрахованъ отъ притязаній на него униатскихъ властей, но постройка самаго монастыря въ виду тяжелыхъ обстоятельствъ времени не могла состояться: пристроено къ постройкѣ каменной церкви во имя Богоявленія Господня только въ 1636 г.

1) Могилевскіе мѣщане предлагали Кунцевичу за позволеніе имѣть своихъ священниковъ и — свободно отправлять богослуженіе 30 тысячъ флоринцовъ, но предложеніе это онъ отвергъ, говоря, что ищетъ спасенія ихъ душъ чрезъ унию.

2) Въ 1622 г. дворянинъ Масальскій, при вѣздѣ Кунцевича въ Мстиславль, покушался убить его, но самъ получилъ смертельный ударъ отъ одного изъ слугъ епископскихъ. Въ томъ же году въ Оршѣ мѣщане собирались утопить его въ Дзирѣ.

ніем православної ієрархії, то на неї головнимъ образомъ и обрушились преслѣдованія. Мелетій Смотрицкій былъ обвиненъ въ подстрекательствѣ къ убійству архієпископа. Опасаясь за свою жизнь, онъ уѣхалъ на востокъ и скоро затѣмъ измѣнилъ православію. Это былъ новый ударъ для православныхъ. Остальные ієрархи, во главѣ съ митрополитомъ, не только не получили офіціального признанія со стороны правительства, но продолжали терпѣть гоненія до самой смерти Сигизмунда III (1632 г.), тѣмъ не менѣе они не послѣдовали за Смотрицкимъ, а служили опорой для православныхъ.

Кіевскіе митрополиты возстановленной православної ієрархії.

Митрополитъ Іовъ Борецкій (1620—1631 гг.). Первымъ митрополитомъ возстановленной православної ієрархії іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ въ западно-русской церкви, какъ было уже замѣчено, былъ Іовъ Борецкій. До занятія митрополичьей кафедры онъ былъ ректоромъ львовской школы, потомъ священникомъ и ректоромъ кіевской братской школы; по постриженіи въ монашество былъ игуменомъ михайловскаго монастыря. Выбранный отсюда и поставленный на митрополичью кафедру, онъ болѣе 10 лѣтъ непоколебимо стоялъ на стражѣ православія среди самыхъ неблагопріятныхъ вышеуказанныхъ для того обстоятельствохъ. Много требовалось ума, знанія и ревности, чтобы удержаться въ такое время, къ общему благу, на митрополичьей кафедрѣ, устоять непоколебимо въ православіи и уберечь отъ расхищенія свою духовную паству, чтобы возстановить и утвердить какой-либо порядокъ въ церкви, оставшейся около 25 лѣтъ безъ первосвятителя и подвергавшейся постояннымъ нападеніямъ со стороны латинской и униатской партій. Іовъ съ достоинствомъ выполнилъ свое призваніе.

Прежде всего, для возстановленія церковнаго порядка онъ въ томъ же 1620 году составилъ въ Кіевѣ соборъ, на которомъ, между прочимъ, было постановлено: 1) на іерейство посвящать людей достойныхъ и несомнѣнныхъ ревнителей благочестія, — даромъ, а не изъ корысти; 2) епископы должны заботиться сами объ избраніи себѣ достойныхъ преемниковъ; 3) собирать соборы для исправленія недостатковъ въ духовенствѣ и мірянахъ; 4) озаботиться усиленіемъ религіознаго образованія чрезъ учрежденіе братствъ, школъ, изданіе въ защиту православія книгъ и обязательное проповѣдничество не

только въ храмахъ, но и въ домахъ; 5) не гнѣваться на младшихъ и низшихъ степеню, еслибы они архіереямъ или другимъ начальникамъ что нибудь напоминали, или отъ чего ихъ предостерегали. Затѣмъ, заботясь объ улучшеніи положенія православныхъ, митрополитъ Іовъ сочувствовалъ мысли войти въ соглашеніе и примиреніе съ уніатами, но подѣ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы православіе при этомъ осталось неприкосновеннымъ; не зная о тайной измѣнѣ православію Смотрицкаго, онъ поручилъ было послѣднему составить и проэктъ этого соглашенія, но когда увидѣлъ, что Смотрицкій, написавшій по этому поводу сочиненіе „Апология“, зашелъ очень далеко въ ущербъ православію, то совершенно оставилъ эту мысль и не захотѣлъ вступать ни въ какіе переговоры съ уніатскими владыками, даже составилъ особый соборъ (въ Кіевѣ, въ 1628 г.), на которомъ названное сочиненіе было предано проклятію. Наконецъ, митрополиту Іову принадлежитъ мысль, которую онъ пытался и осуществить, о томъ, что православные западно-русской церкви только тогда найдутъ себѣ миръ и безопасность, когда соединятся съ единовѣрною Россією подѣ скипетромъ московскаго государя. Въ 1625 году онъ посылалъ въ Москву луцкаго епископа Исаака Борисковича съ ходатайствомъ у царя Михаила Ѳеодоровича и патріарха Филарета о принятіи Малороссіи и запорожскихъ казаковъ подѣ свое покровительство. И хотя московское правитель-ство нашло присоединеніе Малороссіи къ московскому государству неблаговременнымъ, такъ какъ было увѣрено, что мысль эта еще не получила надлежащей популярности и прочности у самихъ малороссовъ, тѣмъ не менѣе мысль митрополита Іова не осталась безплодною: она развивалась и крѣпла, такъ что чрезъ четверть вѣка желаніе его исполнилось. 2 марта 1631 года митрополитъ Іовъ скончался и погребенъ въ кіево-михайловскомъ монастырѣ.

Митрополитъ Исаія Копинскій (1631—1633 гг.). Преемникомъ Іова Борецкаго былъ избранъ смоленскій и черниговскій архіепископъ Исаія Копинскій, единственный въ данное время архіепископъ у православныхъ, послѣ отпаденія въ унію Мелетія Смотрицкаго, извѣстный, какъ высокій подвижникъ, много лѣтъ проведеншій въ антоніевой пещерѣ кіевской лавры, устроившій потомъ нѣсколько монастырей и копавшій пещеры собственными руками даже въ санѣ епископа. Поставленный въ епископа черемышльскаго патріархомъ

Оеофаномъ въ 1620 году, а потомъ переведенный на смоленскую кафедру, онъ по обстоятельствамъ времени не могъ жить въ своихъ епархіяхъ, а проживалъ въ за-днѣпровскихъ монастыряхъ и тамъ посвящалъ ставленниковъ для своей епархіи. Въ санѣ епископа онъ заявилъ себя ревностнымъ поборникомъ православія на соборѣ 1628 года по дѣлу отпаденія въ унию Мелетія Смотрицкаго. Поставленный въ митрополита (въ іюлѣ 1631 г.), онъ въ томъ же году разослалъ „Наказъ“ приходскимъ священникамъ, содержащій правила церковнаго благочинія. Но добрый святитель—подвижникъ по своей старости и слабости здоровья не могъ съ надлежащею твердостью держать бразды правленія въ такое смутное и тяжелое время, на какое выпала жребій его архипастырства. На сцену дѣятельности выступилъ новый энергичный дѣятель—печерскій архимандритъ Петръ Могила, на слѣдующій годъ выбранный въ митрополита еще при жизни Исаи Копинскаго.

Избраніе новаго митрополита еще при жизни митрополита Исаи Копинскаго совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1632 г. умеръ Сигизмундъ III, главный покровитель униі. Смерть его была радостью для православныхъ, такъ какъ она возбуждала у нихъ надежду на восстановленіе поправленныхъ ихъ правъ. По польскому обычаю, за смертью короля слѣдовали сеймы: конвокаціонный (созывательный), на которомъ дѣлался обзоръ предыдущаго царствованія и подавались мнѣнія и требованія о разныхъ улучшеніяхъ для руководства будущему королю, затѣмъ избирательный сеймъ для выбора новаго короля и наконецъ коронаціонный. Переменною царствующей особы и рѣшились воспользоваться православные польско-литовскихъ областей, чтобы добиться отмѣны ограничительныхъ постановленій и мѣръ противъ православія и признанія правъ и льготъ за православною церковію и ея представителями. Въ этомъ духѣ духовенство, дворяне, братства, казаки—готовили свои представленія на конвокаціонный сеймъ, а виленское братство приготовило даже цѣлую книгу „Синописисъ или краткое описаніе правъ, привиллегій, свободъ и вольностей, данныхъ литовскими князьями и польскими королями народу русскому, находящемуся неизмѣнно въ послушаніи константинопольскому патріарху“. На основаніи несомнѣнныхъ документовъ здѣсь указывались всѣ данныя русскому народу права, а вмѣстѣ съ тѣмъ,—что

эти права давались именно русскимъ, состоящимъ подъ властію константинопольскаго патріарха, а не уніатамъ. Книга эта была роздана сенаторамъ и посламъ еще до открытія сейма. Главнымъ духовнымъ посломъ и руководителемъ всего этого движенія былъ печерскій архимандритъ Петръ Могила, имѣвшій уполномоченность не только отъ всего духовенства, но и лично отъ митрополита, который, по преклонности лѣтъ и слабости здоровья, не могъ самъ ѣхать на сеймъ. Однако, не смотря на все это, конвокаціонный сеймъ не удовлетворилъ православныхъ: составленный здѣсь „проектъ соглашенія православныхъ и уніатовъ“ далеко не отвѣчалъ ихъ требованіямъ. Петръ Могила особенно возсталъ противъ этого проэкта. Онъ разослалъ изъ Варшавы письма во все русскія воеводства, чтобы никто не соглашался на изложенныя условія въ этомъ проэктѣ, приглашалъ православныхъ въ большемъ количествѣ явиться на избирательный сеймъ и не дѣлать никакой уступки уніатамъ и католикамъ. По его голосу, на избирательный сеймъ православные явились дѣйствительно во множествѣ и при этомъ заявили, что не приступятъ къ избранію короля, пока не будутъ удовлетворены въ своихъ требованіяхъ. Численность православныхъ, и между ними знатныхъ родовъ, была настолько велика и настоянія ихъ, во главѣ съ Петромъ Могилой, настолько сильны, что польское правительство невольно должно было уступить. Теперь было постановлено: быть двумъ митрополитамъ, — православному и уніатскому, возстановить православныя епископія — львовскую, луцкую и przemyslskую, а часть отъ полоцкой уніатской епархіи отдѣлить для православной, съ наименованіемъ послѣдней мстиславскою¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждено православнымъ свободное исповѣданіе вѣры, совершеніе таинствъ, дозволеніе строить и починять церкви, заводить братства, богадѣльни, школы и типографіи и свободное всемъ православнымъ исправленіе общественныхъ должностей. Этимъ актомъ православнымъ возвращены, хотя и не во всей обширности, тѣ права, коими они пользовались до уніи; вновь дарована свобода вѣроисповѣданія и возстановлена православная западно-русская митрополія. Но съ другой стороны этимъ

¹⁾ Этимъ постановленіемъ полагалось основаніе православной моголевской епархіи, существующей до настоящаго времени. Относительно епископа было постановлено: называться ему мстиславскимъ, оршанскимъ и моголевскимъ, каедеду

же актомъ навсегда прекращалась прежняя высшая іерархія, которую далъ православнымъ патріархъ Теофанъ. Польское правительство, оставаясь вѣрнымъ себѣ, какъ прежде не признавало этой іерархіи, такъ и теперь не хотѣло ея признавать. Православнымъ предоставлено право *вновь* избрать себѣ митрополита и епископовъ, кромѣ Іереміи львовскаго, который въ своемъ санѣ утверждёнъ былъ еще Сигизмундомъ Ш. Православные воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ и здѣсь же на сеймѣ избрали въ митрополиты своего главнаго руководителя и представителя, Петра Могилу. Выборъ ихъ былъ весьма удаченъ. Въ немъ было рѣдкое совмѣщеніе качествъ, какія нужны были первосвятителю въ такое тревожное время. По своему происхожденію онъ былъ сыномъ молдавскаго господаря Симеона, въ молодости служилъ съ отличіемъ въ польскихъ войскахъ, имѣлъ близкія связи съ высшею польскою знатію, даже лично былъ извѣстенъ вновь избранному королю Владиславу IV; получилъ отличное образованіе—сначала въ львовскомъ училищѣ, а потомъ въ заграничныхъ университетахъ; свою энергію и ревность по православію уже успѣлъ доказать здѣсь же на сеймѣ. Съ 1627 г. онъ былъ архимандритомъ кіево-печерскаго монастыря, а съ 1629 г. константинопольскимъ патріархомъ Кирилломъ Лукарисомъ возведенъ въ званіе патріаршаго экзарха. Вновь избранный митрополитъ испросилъ благословеніе у патріарха Кирилла Лукариса и въ слѣдующемъ году получилъ посвященіе во Львовѣ.

Митрополитъ Петръ Могила (1633—1647 гг.) уже въ санѣ митрополита прибылъ въ Кіевъ и встрѣченъ былъ здѣсь съ большою торжественностію и радостію. Митрополитъ Исаія, послѣ нѣкоторыхъ пререканій съ новымъ митрополитомъ, долженъ былъ уступить

имѣть въ Могилевѣ, въ Спасскомъ монастырѣ и получать жалованья 2000 золотыхъ ежегодно, взаменъ епископскихъ имѣній, оставшихся за полоцкимъ униатскимъ епископомъ. Въ 1633 году на метиславскую кафедру былъ избранъ Іосифъ Бобривичъ. Неунитамъ назначались для отправленія богослуженія церкви: въ Метиславѣ двѣ:—Троицкая и Спасская; въ Могилевѣ, кромѣ Спасскаго монастыря, четыре церкви—Успенская, Троицкая, Воскресенская и Воснесенская; въ Оршѣ двѣ—Ильинская и Воскресенская. Но и униатамъ отданы были Онуфриевскій, Метиславскій и Пуштынскій монастыри, а съ 1635 года—и могилевскій Спасскій, взаменъ котораго православнымъ возвращена церковь Крестовоздвиженская. Явный знакъ, что насилія предшествовавшаго царствованія успѣли уже сказаться отрицательнымъ образомъ и въ предѣлахъ вновь образованной православной епархіи!

ему свое мѣсто и остатокъ своей жизни провелъ въ различныхъ монастыряхъ (скончался онъ въ 1640 г.). Въ санѣ митрополита Петръ Могила проявилъ не мало заботливости о положеніи православной церкви. По его настоянію король утвердилъ на варшавскомъ сеймѣ 1635 г. постановленія сейма 1632 г., которыя, какъ изданныя еще до избранія Владислава въ короли, могли не имѣть надлежащей силы. По его же настоянію, въ виду упорства латинской и униатской партій въ исполненіи сеймовыхъ постановленій, эти постановленія снова неоднократно (въ 1638, 1641, 1647 гг.) подтверждались самимъ королемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ заботился о возстановленіи памятниковъ православія въ самомъ Кіевѣ. Онъ возвратилъ отъ униатовъ Софійскій соборъ и Выдубецкій монастырь и отстроилъ ихъ заново; обновилъ и украсилъ главный лаврскій храмъ, воздвигъ изъ развалинъ находившуюся близъ лавры церковь св. Спаса на Берестовѣ, построенную, по преданію, еще св. кн. Владиміромъ, откопалъ изъ земли Десятинную церковь, причемъ подъ ея развалинами открылъ гробъ равноапостольнаго князя и въ немъ его мощи (собственно главу). Но вмѣстѣ съ этими заслугами для западно-русской церкви Петръ Могила оказалъ весьма важныя заслуги и для всей русской православной церкви, образовавъ разсадникъ и образецъ для духовно-учебныхъ заведеній въ Россіи.

Преобразование митроп. Петромъ Могилой Кіевской школы.

Существовавшія до Петра Могилы братскія школы оказали несомнѣнную услугу для западно-русской церкви. Преисполненные свято-отеческими традиціями и горячею любовью къ православію, онѣ служили сильнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ иновѣрною пропагандою и выпустили изъ своихъ стѣнъ не мало знаменитыхъ учителей и поборниковъ православія. Но тѣмъ не менѣе эти школы не возвысили научнаго образованія до той высоты, такая требовалась обстоятельствами времени. Поэтому мы видимъ, что православные, по выходѣ изъ этихъ школъ, не рѣдко отправлялись для завершенія своего образованія въ коллегіи иновѣрныя, гдѣ, въ свою очередь, иногда невольно заражались ядомъ иновѣрія. Для православныхъ создавалась, такимъ образомъ, насущная потребность возвысить

уровень образованія въ собственныхъ школахъ, основать такія коллегіи, которыя бы, по духу своему будучи строго православными, въ научномъ отношеніи нисколько не уступали лучшимъ коллегіямъ иновѣрцевъ. Петръ Могила все это прекрасно сознавалъ, а потому, будучи еще архимандритомъ кіево-печерскаго монастыря, задумалъ основать такую школу у себя въ монастырѣ и для этой цѣли отправилъ нѣсколькихъ молодыхъ людей за границу, чтобы они приготовились тамъ къ учительству. Такая школа дѣйствительно была уже открыта, но православные просили его не дѣлать этимъ подрыва уже существовавшей (съ 1615 г.) братской школѣ, а—лучше соединить свою школу со школою братскою. Петръ Могила согласился на это и провзвелъ всестороннюю реформу въ школѣ. Прежде всего онъ обстроилъ ее новыми зданіями, обезпечилъ ея содержаніе припискою къ ней нѣсколькихъ вотчинъ, а, сдѣлавшись митрополитомъ, переименовалъ ее въ коллегію. Внутреннее устройство коллегіи было заимствовано изъ іезуитскихъ коллегіумовъ. Расширенъ курсъ наукъ до уровня вышихъ школъ; явилось дѣленіе классовъ на низшіе (фара, инфима, грамматика, синтаксима, пінтика и риторика) и высшіе (философскіе и богословскіе); получилъ преобладаніе языкъ латинскій; на немъ читались лекціи, на немъ писались сочиненія, на немъ же должны были и говорить воспитанники; введены были публичные философскіе и богословскіе диспуты. Начальствующими лицами въ коллегіи были: ректоръ, какъ главный начальникъ школы, префектъ, совмѣщавшій въ себѣ съ обязанностями профессора и обязанности эконома и суперъ-интендентъ, на обязанности котораго лежало слѣдить за поведеніемъ воспитанниковъ; въ помощь послѣд- нему выбирались лучшіе воспитанники съ наименованіемъ сеньеровъ, цензоровъ и визитаторовъ.

Признавъ отъ іезуитскихъ школъ только виѣшнюю форму, Петръ Могила постарался вложить въ нее православное содержаніе, чтобы школа служила интересамъ православной церкви. И хотя въ самое первое время своего существованія такая школа возбуждала къ себѣ недовѣріе со стороны православныхъ, поднялось даже волненіе, для успокоенія котораго понадобилось писать и издавать цѣлое сочиненіе («Сказаніе или отчетъ о кіевскихъ школахъ» — Сильвестра Коссова), тѣмъ не менѣе школа эта скоро завоевала къ себѣ всеобщія симпатіи. Она стала быстро наполняться учениками, изъ нея

стали выходить замѣчательные ученые, изъ подъ пера которыхъ, во главѣ съ Петромъ Могоилой, выходили замѣчательные ученые труды.

Ученые труды Петра Могоилы и его Коллегіи.

Возстановленіемъ правъ православной западно-русской церкви и созданіемъ высшаго разсудника просвѣщенія еще не исчерпываются заслуги митр. Петра Могоилы. Съ его именемъ связано появленіе весьма важныхъ ученыхъ трудовъ, отвѣчавшихъ самымъ настоятельнымъ запросамъ своего времени. Самый важный изъ нихъ — „Православное исповѣданіе вѣры“. Доселѣ православные на востокѣ и въ Россіи пользовались древними исповѣданіями и изложеніями вѣры, направленными противъ древнихъ ересей, а вмѣстѣ и тѣми вѣроизложеніями, которыя написаны были по отпаденіи римской церкви отъ православной католической и направлены противъ латинскихъ заблужденій. Съ появленіемъ на западѣ реформаціи, когда возникли новые догматическіе вопросы и заблужденія и когда у протестантовъ и латинянъ появились подробныя изложенія своего вѣроученія, — православнымъ въ прежнихъ изложеніяхъ вѣры нельзя было находить прямыхъ отвѣтовъ на новые вопросы и заблужденія. Латиняне и униаты не замедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и укоряли православныхъ, что они не въ состояніи дать отчета въ своихъ вѣрованіяхъ и уклоняются въ разныя протестантскія заблужденія и ереси. Въ подтвержденіе послѣдняго положенія указывалось на появившееся въ Женевѣ въ 1629 году на латинскомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ „Восточное исповѣданіе православной вѣры“, авторомъ котораго выставлялся константинопольскій патріархъ Кирилль Лукарисъ. Сочиненіе это было подложное; оно наполнено было кальвинскими заблужденіями и издано было иезуитами съ цѣлію уронить авторитетъ православнаго патріарха. Вскорѣ послѣдовало и второе изданіе этого сочиненія на греческомъ языкѣ. Иезуиты всюду разглашали, что въ этомъ сочиненіи изложена вѣра восточной церкви и что для западно-русской церкви, какъ состоящей въ іерархической зависимости отъ константинопольскаго патріарха, единственное спасеніе въ союзѣ съ Римомъ. Все это, вмѣстѣ взятое, и побудило Петра Могоилу дать своей паствѣ руководство къ правильному пониманію православныхъ догматовъ. Имъ ли са-

нимъ или только подь его руководствомъ—ученымъ игуменомъ Исаією Трофимовичемъ—и составлено было вышеупомянутое „православное исповѣданіе вѣры“ и рассмотрѣно на кievскомъ соборѣ 1640 года. Затѣмъ, отправляя своихъ делегатовъ на бывшій въ 1643 году соборъ въ Яссахъ, митр. Петръ Могила послалъ съ нимъ и этотъ трудъ, въ переводѣ его на греческій и латинскій языки. Соборъ снова рассмотрѣлъ его, одобрилъ и представилъ на утверждение восточнымъ патриархамъ. Но въ Константинополѣ вслѣдствіе іерархическихъ неурядицъ медлили отвѣтомъ, тогда Петръ Могила въ 1645 году издалъ для церквей своего управления на польскомъ и русскомъ языкахъ краткій катихизисъ, представлявшій собою сокращеніе „исповѣданія вѣры“. Этотъ катихизисъ съ нѣкоторыми исправленіями напечатанъ былъ потомъ, по благословенію патриарха Іосифа, въ Москвѣ и принятъ въ руководство великороссійскою церковію. Что же касается полнаго исповѣданія вѣры, то Петръ Могила не дождался возвращенія его изъ Константинополя. Оно было напечатано лишь спустя 20 лѣтъ (въ 1662 г.) подь заглавіемъ „Православное исповѣданіе вѣры соборной и апостольской восточной Церкви“ на греческомъ языкѣ. Съ этого изданія (въ 1685 году) при патриархѣ Іоакимѣ сдѣланъ былъ славянскій переводъ, который, по благословенію патриарха Адріана, и былъ напечатанъ въ общее употребленіе въ 1696 году.

Другое замѣчательное сочиненіе, также связанное съ именемъ Петра Могилы,—„Линосъ или камень съ пращи истинной св. православной церкви русской“. Поводомъ къ написанію его служило изданіе въ 1642 году на польскомъ языкѣ сочиненія подь заглавіемъ „Перспектива или изображеніе заблужденій, ересей и суевѣрій греко-русской церкви“. Авторъ послѣдняго сочиненія—Кассіанъ Саковичъ, перешедшій изъ православія сначала въ унию, а потомъ въ латинство, осмѣивая въ своемъ сочиненіи богослужебныя дѣйствія, обряды и уставы православной церкви и обвиняя ее во многихъ заблужденіяхъ и ересьяхъ, предлагаетъ исправить ея богослуженіе по ритуалу латинской церкви. Такое сочиненіе не могло не произвести тяжелаго впечатлѣнія на православныхъ и особенно на самого Петра Могилу. И вотъ, въ отвѣтъ на него онъ выпустилъ въ 1644 году вышеупомянутое сочиненіе. Въ однихъ отвѣтахъ составитель Линоса прямо говоритъ Саковичу, что обвиненія его про-

тивъ западно-русской церкви—неправда, ложь и клевета; въ другихъ,—что обвиненія его падаютъ на дѣйствія собственно частныхъ лицъ, поэтому несправедливо вѣняются самой церкви, что злоупотребленія въ церковной практикѣ бывали во всякое время и въ другихъ церквахъ, а если они умножились въ западно-русской церкви, то виною тому—унія, изъ-за которой православное духовенство и народъ пятьдесятъ уже лѣтъ терять всякаго рода притѣсненія и гоненія, и что противъ этихъ злоупотребленій теперь принимаются уже мѣры православными архипастырями; въ отвѣтахъ третьяго рода, именно на тѣ обвиненія, которыя падали на самыя чинопослѣдованія, авторъ Лиѳоса объясняетъ своему противнику неправильность его пониманія и толкованія этихъ чинопослѣдованій и раскрываетъ истинный смыслъ разныхъ церковныхъ службъ, обрядовъ и церемоній. Это была полная апологетика православной западно-русской церкви противъ тогдашнихъ нападеній на нее со стороны униатовъ и латинянъ, а отчасти и—литургики, съ объясненіемъ ея богослуженія, таинствъ и обрядовъ, ея постовъ, праздниковъ, устройства храмовъ и проч. Авторомъ Лиѳоса обыкновенно называютъ самого Петра Могилу, но вѣроятнѣе предполагать, что это былъ совмѣстный трудъ нѣсколькихъ его ученыхъ сподвижниковъ, Петру же Могилѣ принадлежитъ главное руководство.

Не оставилъ митр. Петръ Могила безъ вниманія и богослужебной практики. Вслѣдствіе постоянного живаго соприкосновенія западно-русской церкви съ церковію латинскою, въ богослужебныхъ книгахъ, по словамъ Петра Могилы,—„многое отъ времени оказалось неполнымъ, неопредѣленнымъ, многое незаконно внесено въ обычаи церкви“. Поэтому, будучи еще печерскимъ архимандритомъ, онъ исправилъ и издалъ служебникъ, который по соборному опредѣленію (1629 г.) введенъ былъ для обязательнаго употребленія во всей западно-русской церкви, а сдѣлавшись митрополитомъ, потребовалъ, чтобы всѣ вновь печатаемыя богослужебныя книги представляемы были ему для исправленія, и чтобы при богослуженіи не было употребляемо книгъ, печатанныхъ безъ его разсмотрѣнія и разрѣшенія. Но особенно забота его въ этомъ отношеніи сказана въ составленіи имъ (въ 1646 г.) Требника. Требникъ Петра Могилы состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части онъ помѣстилъ

чинопослѣдованія всѣхъ семи таинствъ съ присоединеніемъ въ нѣкоторыхъ соприкосновенныхъ чиновъ, такъ напр. къ чинопослѣдованіямъ крещенія и миропомазанія присоединилъ чины о принятіи въ церковь іудеевъ, язычниковъ, еретиковъ, отступниковъ и раскольниковъ. Во второй части помѣстилъ чины различныхъ освященій, какъ-то: освященія воды, церквей, церковной утвари, также монастырей, домовъ, овощей и проч. Въ третьей—чины различныхъ молебновъ и молитвъ по разнымъ случаямъ: въ день пятидесятницы, въ день новолѣтія, во время бездождія и проч. Кромѣ этого вмѣстѣ съ чинопослѣдованіями таинствъ и важнѣйшихъ обрядовъ онъ помѣстилъ особыя статьи, въ которыхъ изъясняетъ ихъ смыслъ и значеніе, ихъ существенныя условія и принадлежность, равно какъ и поведеніе священника при совершеніи ихъ; перечисляетъ различные случаи, какіе могутъ встрѣтиться при совершеніи того или другаго таинства или обряда, и даетъ наставленія, какъ поступать въ такихъ случаяхъ; наконецъ, учитъ священника, какія мысли и чувства онъ долженъ внушать своимъ прихожанамъ при совершеніи того или другаго таинства или обряда. При составленіи своего Требника Петръ Могила пользовался славянскими, греческими и частью римскими требниками; но у него помѣщено до 20 чиновъ и такихъ, которыхъ нѣтъ ни въ какихъ требникахъ. По всей вѣроятности у него были подъ рукою рукописныя чинопослѣдованія, не сохранившіяся до настоящаго времени, а другое взято изъ церковной практики. Изъ предисловія къ Требнику видно, что Петръ Могила хотѣлъ ввести его въ общее употребленіе, но вскорѣ послѣдовавшая его кончина приостановила его распространеніе, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ настоящее время православная церковь обращается къ его Требнику, напр. въ чинопослѣдованіи на основаніе и освященіе новаго монастыря, такъ какъ на этотъ и подобные случаи въ великорусскихъ требникахъ нѣтъ чинопослѣдованій.

Были у Петра Могилы и другія весьма важныя предпріятія на пользу церкви. Онъ трудился надъ исправленіемъ текста славянской библии и уже собиралъ деньги для болѣе исправнаго изданія ея, чѣмъ было изданіе Острожское; онъ желалъ перевести на славянской языкъ житія святыхъ, составленныя Метафрастомъ; но не успѣлъ окончить этихъ своихъ предпріятій за раннею своею смертію. 1 января 1647 года, 50 л. отъ роду, онъ скончался, оказавъ

заслуги: западно-русской церкви—возстановленіемъ ея правъ и положеніемъ въ ней начала для лучшаго порядка вещей,—всей русской церкви—основаніемъ перваго разсадника и образца для духовно-учебныхъ заведеній въ Россіи и наконецъ—для всей православной церкви, давши ей „православное исповѣданіе“, принятое и одобренное всѣми ея первосвященниками и доселѣ остающееся ея символическою книгою.

Изъ основанной Петромъ Могилой коллегіи еще при его жизни стали выходить весьма видные дѣятели на поприщѣ духовнаго просвѣщенія. Изъ нихъ особенно замѣчательны были:

Исаія Трофимовичъ († 1651 г.), первый ректоръ кievской коллегіи и самый дѣятельный сотрудникъ Петра Могилы, исполнившій всѣ важнѣйшія его порученія. Ему обыкновенно приписывается составленіе „Православнаго исповѣданія вѣры“, извѣстнаго подъ именемъ Петра Могилы.

Сильвестръ Коссовъ († 1657 г.), получившій образованіе въ католическихъ академіяхъ, занимавшій въ кievской коллегіи должность префекта, а отсюда посвященный во епископа бѣлорусскаго (1635—1647 г.) и наконецъ преемникъ Петра Могилы по митрополичьей каедрѣ. Во времени пребыванія его въ коллегіи относятся два его сочиненія: упомянутая апологія его въ защиту коллегіи и Печерскій патерикъ, написанный въ защиту святыни кievской и обще-русской—нетлѣнія св. мощей почивающихъ тамъ подвижниковъ печерскихъ. На бѣлорусской каедрѣ онъ написалъ и издалъ (въ типографіи кутейнскаго монастыря, въ 1637 г.) сочиненіе—„Дидаскалія“, въ которомъ изложилъ ученіе о седми таинствахъ.

Иннокентій Гизель († 1684 г.), сначала учитель коллегіи, потомъ ея ректоръ и наконецъ архимандритъ печерской лавры. Отъ него осталось много сочиненій, но самое замѣчательное изъ нихъ—„Синописисъ, или краткое описаніе о началѣ русскаго народа“, доведенное до царствованія Θεодора Алексѣевича. До времени Ломоносова это сочиненіе употреблялась въ школахъ въ качествѣ руководства по русской исторіи.

Послѣ смерти Петра Могилы замѣчательными представителями кievо-могилянскій учености были:

Лазарь Барановичъ († 1694 г.), преемникъ Гизеля по должности ректора коллегіи, затѣмъ (съ 1657 г.) бывшій епископъ чер-

ниговскій. Онъ знаменитъ былъ какъ выдающійся проповѣдникъ. Сборники его проповѣдей извѣстны подъ названіемъ: „Мечъ духовный“ и „Трубы словесъ“. Ему же принадлежитъ и полемическое сочиненіе на польскомъ языкѣ „Новая мѣра старой вѣры“, написанное въ опроверженіе книги іезуита Болмы о главенствѣ папы и объ исхожденіи Св. Духа.

Иоанникій Голятовскій († 1688 г.), учившійся и учившій въ кievской коллегіи, потомъ ректоръ коллегіи и наконецъ архимандритъ новгородѣвверскаго монастыря. Онъ приобрѣлъ себѣ извѣстность какъ проповѣдникъ и полемистъ. Въ первомъ отношеніи ему принадлежатъ: „Ключъ разумѣнія“,—сборникъ поученій на всѣ праздники, и „Небо новое съ новыми звѣздами, т. е. Преблагословенная Дѣва Марія съ своими чудесами“¹⁾. Последнее сочиненіе предназначалось для чтенія проповѣдникамъ для пріисканія проповѣдническаго матеріала. Особено плодovitъ онъ, какъ полемистъ. Онъ писалъ противъ латинянъ: „Вѣдоцерковная бесѣда“—о власти папы, „Души людей умершихъ“—въ опроверженіе латинскаго ученія о чистилищѣ и др.; противъ іудеевъ—„Мессія правдивый“; противъ магометанъ—„Лебедь“; противъ язычества—„Боги поганскіе“. Въ лицѣ Иоанникія Голятовскаго и Лазаря Барановича кievская коллегія сказала свое послѣднее мѣстное слово: со второй половины XVII столѣтія она получаетъ обще-русское значеніе, заслуга Петра Могилы въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія сдѣлалась обще-русскою.

Присоединеніе Малороссіи къ Россіи и подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху.

Религіозная унія по взглядамъ польскаго правительства, руководимаго іезуитами, преслѣдовала двѣ задачи: въ смыслѣ религіозномъ она должна была служить „мостомъ, переводящимъ православныхъ въ латинство“, а въ смыслѣ политическомъ она должна была совершенно и навсегда оторвать русскихъ православныхъ людей отъ Москвы, куда невольню влекло ихъ православіе, содержимое ими и процвѣтавшее въ Москвѣ. Однако всѣ мѣры, направленные

¹⁾ Сочиненіе это на ряду съ другими изданіями было издано и въ Могилѣ въ 1699 году.

для достиженія этихъ задачъ, далеко не оправдывали возлагавшихся на нихъ надежды. Мы видѣли, что по смерти Сигизмунда III для православной церкви сдѣланъ былъ поворотъ въ лучшую сторону; видѣли и то, что первый православный митрополитъ кievскій, послѣ введенія уніи, Іовъ Борейскій посылалъ въ Москву своего посла съ просьбою о принятіи Малороссіи въ подданство Москвѣ. Но то, къ чему стремился Іовъ Борейскій, совершилось при четвертомъ митрополитѣ Сильвестрѣ Коссовѣ и—при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Поляки не могли не замѣтить, какое участіе принимали казаки въ дѣлѣ защиты православія, а потому обратили на нихъ особенное вниманіе, съ цѣлю, если не совсѣмъ уничтожить, то по крайней мѣрѣ ослабить эту силу. Они обманомъ захватывали многихъ гетмановъ и другихъ начальниковъ казацкихъ, отправляли ихъ въ Варшаву и тамъ предавали ихъ ужаснымъ казнямъ, а въ сеймѣ 1637 года постановили уравнивать украинскіхъ казаковъ съ польскими крестьянами и назначить для управленія ими комиссаровъ, съ неограниченнымъ правомъ жизни и смерти. Нашелся и среди казаковъ измѣнникъ, князь Іеремія Вишневецкій, предавшійся полякамъ и разорившій самое гнѣздо казачества—Сѣчь Запорожскую. Казачье дѣло повидимому пропадало. Но въ это самое время на защиту православія и народности выступилъ знаменитый Богданъ Хмѣльницкій. Своими побѣдами надъ польскими войсками онъ вынудилъ польскаго короля Яна Казимира, преемника Владислава IV († 1648 г.), заключить выгодный для казаковъ договоръ (1649 г.). По этому (зборовскому) договору казакамъ возвращались все старинныя ихъ права и льготы и число ихъ опредѣлено до 40,000 человекъ. Предположено уничтожить унію въ Литвѣ и Польшѣ; православной церкви—предоставить прежнія ея права и привиллегіи, а кievскому митрополиту дать мѣсто въ сенатѣ; іезуиты не имѣютъ права находиться въ Кіевѣ и другихъ городахъ, гдѣ есть привилегированныя русскія школы. Все русскія школы, существующія издавна, должны оставаться въ цѣлости. Но государственные чины Польши отказались утвердить этотъ договоръ, а прибывшій въ Варшаву для присутствования въ сенатѣ кievскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ подвергся только оскорбленіямъ. Неудовлетворенные казаки снова открыли военныя дѣйствія. Но на этотъ разъ счастье измѣнило Хмѣльницкому: подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ, на Волыни (въ 1651 г.)

онъ былъ разбитъ поляками. По новому трактату подъ Вѣтой Церковью, войско казачье сокращено до 20,000, остальные превращались въ крестьянское сословіе (хлоповъ) и подлежали власти старостъ и помѣщиковъ. Объ уничтоженіи уніи и представительствѣ православнаго митрополита въ сенатѣ не было и помину. Русский народъ приходилъ отъ этого въ отчаяніе, обнаруживалъ попытки возстать и противъ поляковъ и противъ Хмѣльницкаго, и наконецъ рѣшилъ прямо переселиться въ московское государство. Въ огромномъ количествѣ онъ, забравъ свои пожитки, двинулся къ востоку за Днѣпръ и поселялся въ нынѣшнихъ курской, полтавской и др. губерніяхъ. Туда же обратилъ свои взоры и Хмѣльницкій. Онъ обратился съ просьбою къ царю Алексѣю Михайловичу о принятіи Малороссіи въ русское подданство. Въ Москвѣ послѣдовало на то согласіе, и въ 1654 году Малороссія присягнула на вѣрность московскому государю.

Естественнымъ послѣдствіемъ присоединенія Малороссіи къ Россіи была война Алексѣя Михайловича съ Польшей. Необходимо было защитить новоприсоединенную страну отъ поляковъ, очистить ее отъ нихъ, словомъ—упрочить за Россіей. Но война эта сразу же приняла характеръ войны за всю западную Россію и сопровождалась блестящими успѣхами: въ Бѣлоруссіи города сдавались одинъ за другимъ¹⁾. Однако различныя неблагопріятныя обстоятельства воспрепятствовали разрѣшить окончательно русско-поль-

¹⁾ Ко времени этой войны, именно къ 1655 году, послѣ того какъ Могилевъ въ 1654 году сдался царю Алексѣю Михайловичу, относится слѣдующее событіе, записанное могилевскимъ лѣтописцемъ, игуменомъ Орестомъ.—Мѣста могилевцамъ за сдачу города подъ Россійскую державу, литовскій гетманъ князь Радзивиль съ войскою подступилъ подъ Могилевъ и, оставившись въ полѣ за виленискими воротами, опустошилъ городскія предмѣстья, разрушилъ многіе дома, нѣкоторыхъ изъ жителей Могилева захватилъ въ плѣнъ, причинялъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ городу различныя злодѣянія, а затѣмъ приказалъ своему войску дѣлать въ разныхъ мѣстахъ подкопы и наполнять послѣдніе бочками съ порохомъ, чтобы окончательно разрушить городъ и истребить жителей вмѣстѣ съ русскимъ гарнизономъ. Но когда уже сдѣланы были подкопы и начинали зажигать въ нихъ пороховыя бочки, въ это время одна благочестивая вдова усердно молилась въ домѣ своемъ предъ иконою Божіей Матери и замѣтила въ иконѣ отъ очей изливающія слезы. Варья отъ пороха послѣдовала, но оцъ нанесъ вредъ только войску Радзивила. Пораженный этимъ, а затѣмъ—печальнымъ прибытіемъ русскаго войска, Радзивиль оставилъ городъ. Жители же Могилева, приписавъ свое избавленіе заступничеству Божіей Матери, торжественно перенесли упомянутую икону

скій вопросъ. По андрусовскому¹⁾ договору (1667 г.) Россія, отказавшись отъ правой стороны Днѣпра и Бѣлоруссїи, приобрѣла Смоленскъ, Сѣверскую область и восточную Малороссїю съ Кіевомъ. Днѣпръ принятъ былъ границею между Россїею и Польшею. Вмѣстѣ съ политическимъ присоединеніемъ Малороссїи къ Россїи самъ собою возникалъ вопросъ и о церковномъ подчиненїи этой страны московскому патріарху. Этому желали въ Москвѣ, къ этому же стремился простой малорусскій народъ и бѣлое духовенство, но духовенство высшее было противъ этого. Послѣднее, какъ происшедшее изъ шляхетскихъ родовъ, считало для себя невыгоднымъ мѣнять номинальную зависимость отъ константинопольскаго патріарха на дѣйствительную отъ патріарха московскаго. Къ этому примѣнивались историческія преданія и традиціи, по которымъ кїевская митрополїя считалась древнѣе московской и была колыбелью русскаго христіанства. Наконецъ, высшее духовенство кїевской митрополїи сознавало, что по своему умственному развитію оно стояло много выше духовенства великороссійскаго. Отсюда мы видимъ, что кїевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, при которомъ совершилось присоединеніе Малороссїи къ Россїи, не принималъ никакого участія въ сношенїяхъ гетмана и казаковъ съ Москвою, упорствовалъ по вопросу о принятїи вѣриподданнической присяги московскому государю, отказался уступить кїевскому воеводѣ, князю Куракину, мѣсто около Софійскаго собора для постройки крѣпости, какъ принадлежащее митрополичьей кааедрѣ, и наконецъ съ своей стороны ходатайствовалъ въ Москвѣ, чтобы малороссійское духовенство, по прежнему, оставалось въ вѣдѣнїи константинопольскаго патріарха, чтобы мѣстное духовенство впредь выбиралось изъ малороссовъ, равно и виновные духовныя лица изъ малороссійскаго духовенства не должны вызываться на судъ въ Москву; присоединилась сюда просьба и объ имущественныхъ привиллегїяхъ. Имущественныя привиллегїи кїевской митрополїи были даны, относительно же осталскаго сказано: „митрополиту кїевскому, такъ же и

¹⁾ Андрусово—деревня между Смоленскомъ и Мстиславлемъ.

иннымъ духовнымъ малыя Россіи, быть подь благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго, а въ права духовныя святѣйшій патріархъ вступати не будеть“. Съ этого времени кievская митрополія считалась уже въ нѣкоторой степени фактически соединенною съ московскимъ патріархомъ, хотя de jure числилась еще въ округѣ константинопольскаго патріарха и подь его властью. Для окончательнаго рѣшенія дѣла необходимо было согласіе константинопольскаго патріарха, а потому въ ожиданіи этого послѣдняго и оставались пока на данной формулѣ. И энергичный патріархъ Никонъ дѣйствительно не вмѣшивался во внутреннее управленіе кievской митрополіи. Между тѣмъ въ Кіевѣ недовольны были и этимъ. Преемникъ Сильвестра Коссова († 1657 г.) по митрополичьей кафедрѣ Діонисій Балабанъ не только не просилъ благословенія у московскаго патріарха, но даже и не сообщилъ ему о своемъ избраніи. Онъ даже скоро перешелъ въ польское подданство. Такія и тому подобныя отношенія кievскихъ митрополитовъ, а также и блюстителей митрополіи, назначавшихся отъ московскаго правительства, за вакантною митрополичьей кафедрой,—къ московскому патріарху, въ связи съ существовавшими тогда въ Малороссіи политическими партіями (русской, польской и даже турецкой), продолжались до избранія на митрополичью кафедру Гедеона князя Святополкъ-Четвертинскаго. Послѣдній, послѣ того, какъ Россія заключила договоръ вѣчнаго мира съ Польшею (собственно подтвердила договоръ андрусовскій въ 1686 г.), отправился въ Москву и тамъ принялъ посвященіе отъ патріарха Іоакима (8 ноября 1686 г.). Благословенною грамотою московскаго патріарха утверждалось ему именоваться „малыя Россіи митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ“ и по достоинству кievской митрополіи, которая признана между великороссійскими митрополіями первоначальною, занимать мѣсто выше всѣхъ россійскихъ архіереевъ, носить двѣ панагіи и, ради мѣстнаго обычая,—митру съ крестомъ и въ путныхъ шествіяхъ въ своей епархіи—ношеніе предъ нимъ пречестнаго креста; а ради единочинства съ россійскими митрополитами данъ ему бѣлый клобукъ. Въ церковномъ отношеніи митрополиту подчинялись и православныя епархіи, оставшіяся въ польскихъ владѣніяхъ. Переходъ кievской митрополіи изъ подь власти константинопольскаго патріарха подь власть патріарха московскаго могъ угрожать смутою,

въ случаѣ противодѣйствія этому со стороны константинопольскаго патріарха. Но дѣло уладилось мирно. Уступая просьбамъ московскаго правительства, а также сознавая неудобства самоличнаго управленія отдаленною митрополіею, тогдашній константинопольскій патріархъ Діонисій въ 1687 году изъявилъ свое согласіе на подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху. Съ этого времени исторія кievской митрополіи теряетъ свой особый характеръ и сливается съ общою исторіею русской церкви. Что же касается тѣхъ православныхъ епархій, которыя, не входя въ составъ присоединенной Малороссіи, остались во владѣніяхъ Польши, то, кромѣ упомянутаго церковнаго подчиненія ихъ кievскому митрополиту, въ отношеніи ихъ Россія, по трактату вѣчнаго мира съ Польшею въ 1686 году, выговорила: для православныхъ—полную свободу вѣроисповѣданія и богослуженія, а русскому правительству—право ходатайства и даже требованія относительно нуждъ православныхъ, если бы они подвергались стѣсненіямъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

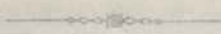
<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
2	18	(1345—1347)	(1345—1377)
—	35	завоеваны	завоеваны
3	7	вести	ввести
8	24	поминальную	номинальную
10	24	дѣлали	дѣлами
11	37	на	въ
15	10	постановленія	поставленія
16	22	склонившійся	склонявшійся
20	5	дѣтей	людей
—	22	соственно	собственно
21	11	къ	въ
22	3	вауки	науки
36	28	собора	сумвола
49	16	(1596)	1596
70	21	вѣрноподаннической	вѣрноподданнической
—	28	виновные	виновныя
—	29	присоединилась	присоединялась

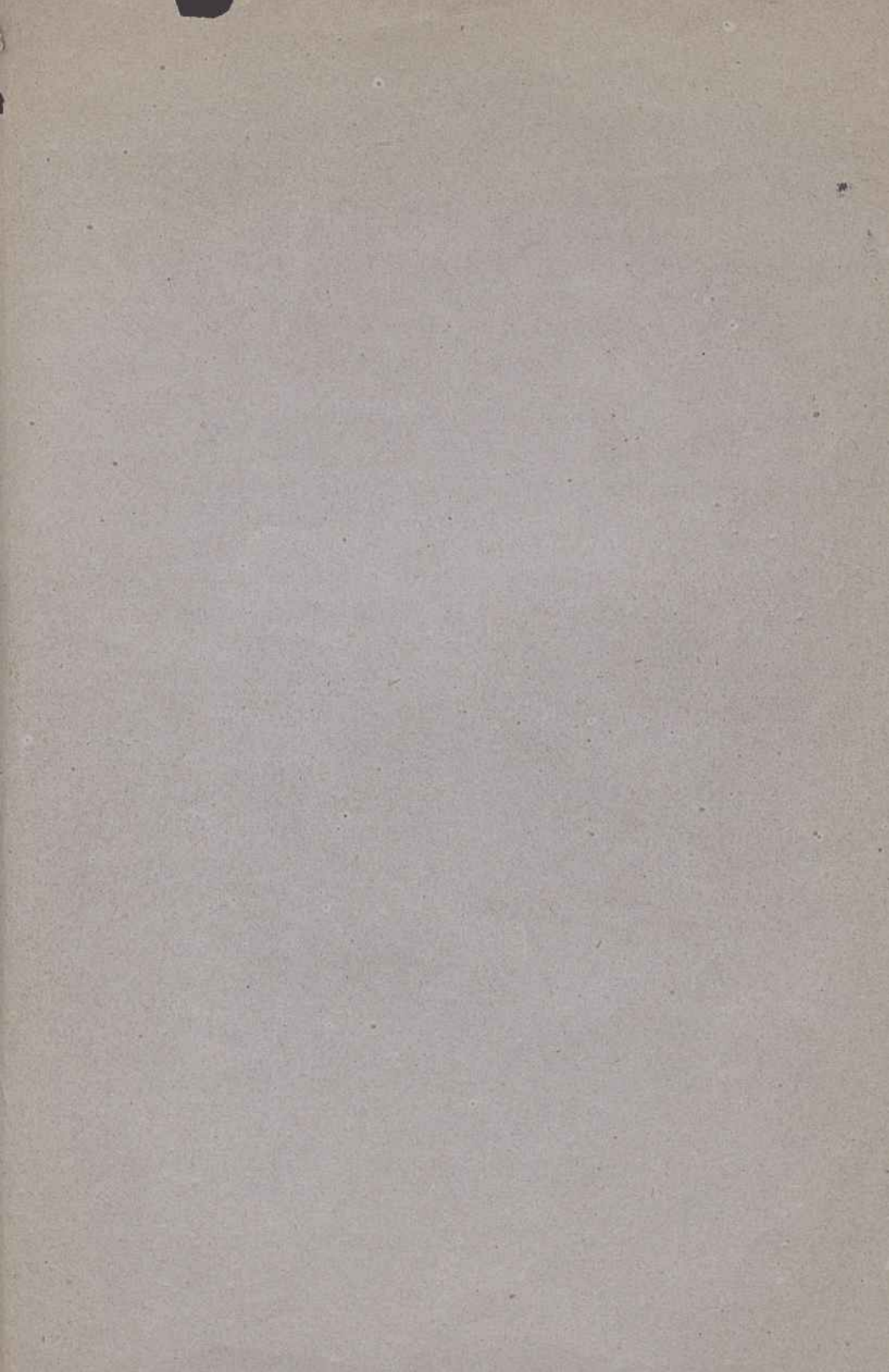

1934 г.

на службе промышленности... На это указывал журнал... Уступая просьбам...
 в 1861 году...
ВАЖНИЙ ОПЕРАТИВ

Сред.	Средняя	Нормативная	Средняя
—	—	—	—
2	18	(1845—1847)	(1845—1847)
—	38	инженеры	инженеры
3	7	врачи	врачи
8	24	помощники	помощники
10	24	дворники	дворники
14	37	инженеры	инженеры
17	10	инженеры	инженеры
18	22	инженеры	инженеры
20	5	детей	детей
—	22	составлено	составлено
21	11	ка	ка
22	3	важн.	важн.
26	28	содерж.	содерж.
49	16	(1896)	(1896)
70	21	вредоносных	вредоносных
—	28	инженеры	инженеры
—	29	присоединяется	присоединяется

Бел. гос. ун-т
А.Тамар.

Бел. гос. ун-т
12/19

60000002599258